

18+

Ирина Буторина

КАВКАЗСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ II. ВОСХОЖДЕНИЕ

Ирина Буторина

Кавказский роман.
Часть II. Восхождение

«Издательские решения»

Буторина И. В.

Кавказский роман. Часть II. Восхождение / И. В. Буторина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982327-4

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Вторая часть трилогии — «Восхождение» повествует о
периоде истории страны между двумя войнами: Отечественной и Кавказской.
В ней рассказывается о судьбе Гейдара — сына Лейлы. Он красив, талантлив
и страстен. Споткнувшись о нелюбовь заносчивой русской девушки,
делает все, чтобы доказать всем, что он настоящий мужчина, и совершает
восхождение от паренька из горного села до сияющих вершин признания и
богатства в Москве. Стоят ли полученные результаты тех усилий, которые он
затратил на путь вверх?

ISBN 978-5-44-982327-4

© Буторина И. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Рядовой Советский армии	6
Глава 2. Первая любовь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Кавказский роман

Часть II. Восхождение

Ирина Викторовна Буторина

© Ирина Викторовна Буторина, 2020

ISBN 978-5-4498-2327-4 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-2323-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Рядовой Советский армии

Гейдар мучительно готовился к выпускным экзаменам. Глядя в учебник, он вместо теорем и цитат видел падающую в пропасть машину, уносившую с собой его отца и его детство. На долгие годы он запомнил то отвлечение, с которым он заталкивал в себя школьную программу, которая теперь, после гибели отца, казалась ненужной и необязательной. Он подолгу глядел в окно, возле которого стоял его письменный стол. Из него открывался вид на ближайшую к селу гору с протоптанным овцами серпантин тропинок, на редкие, зацепившиеся за камни кусты и деревья, на практически голую вершину, на которую совершил своё первое восхождение вместе с инвалидом отцом.

– Ты настоящий мужчина, – сказал ему Руслан, когда с изодранными в кровь коленками, но счастливый Гейдар добрался до самой макушки горы и встал рядом с отцом, не имея сил оторваться от удивительной картины распластавшегося у подножия горы села.

На Кавказе не принято хвалить мальчишек, чтобы не баловать, поэтому редкая похвала отца была особенно приятна.

– А что, только тот мужчина, который может забраться на эту вершину? – спросил он обрадованно.

– Запомни, Гейдар, вершина у каждого своя, но только тот, кто идёт к вершине и покоряет её, может считаться мужчиной.

– А у тебя какая была вершина? Ты её взял?

– Если бы не война, я бы взял много вершин, но вот сегодня – это моя вершина, и я её взял вместе с тобой и горжусь, – ответил отец, устраивая поудобнее протезы ног на шатких камнях.

– Это и моя вершина! – крикнул мальчишка в огромный простор, который эхом отозвался ему: «...ршина, ршина».

– Нет, малыш, это твоя первая высота, а впереди их ещё много. Школу надо окончить, институт, специалистом стать, дом построить, семью создать, – одним словом, многое надо, чтобы стать уважаемым человеком.

– Вы с мамой мне поможете?

– Запомни, Гейдар, родители могут подсказать сыну дорогу к вершине, могут дать на дорогу хлеба, но вот если станут его тащить вверх, то ничего у них не получится. Только самостоятельно взятая вершина приносит удовлетворение, только с такой вершины человек никогда не свалится вниз. Ты бы был рад, если бы я тебя затащил в эту гору?

– Нет, я сам могу! – гордо ответил парнишка, задрал нос к солнцу.

Сейчас заходящее за горы солнце, заглядывая последним лучом в окно комнаты, напоминало: «Теперь ты парень один, и все предстоящие вершины придётся штурмовать в одиночку». Родни, которая на Кавказе часто заменяет родителей, у Гейдара не было.

– Я добьюсь всего сам, обещаю, – глядя на позолоченную солнцем макушку горы, ни к кому не обращаясь, сказал Гейдар.

– Ты что сказал, сынок? – послышался из другой комнаты тихий голос матери.

– Всё нормально будет, не волнуйся, – ответил Гейдар.

Собрав всю волю в кулак, он сдал экзамены, однако от поступления в институт отказался категорически.

– Поступать не буду, – заявил он в школе на выпускном вечере. – Мать не хочу бросать.

– Тебя ведь в армию заберут, если ты сейчас не поступишь в институт, – удивились учителя.

– Заберут через год, а если поступлю, уезжать надо будет уже через два месяца, как будет жить одна? Да и на какие деньги я учиться буду – на мамину зарплату технички?

– Тебе стипендию платить будут, мать что-то вышлет, – не унимались учителя, – как-то проживёшь, ты же такой способный. Жаль будет, если образования не получишь.

– Я так решил, – стоял на своём Гейдар, – не могу я за мамин счёт жить. Образование и заочно получить можно. Вот армию отслужу и поступлю на заочный. Зачем сейчас начинать, за три года всё забуду.

Ни уговоры учителей, ни матери, ни друзей не смогли заставить Гейдара изменить своё решение. Уже через три дня после получения аттестата зрелости он работал. Работа нашлась сама. Вернее, опять, как когда-то Руслану, Гейдару помог Гаджиев.

– Слышал я, что ты не хочешь в этом году в Грозный на учёбу ехать? – спросил он, зайдя вечером на огонёк. – Что же, наверное, ты прав. Матери первое время без тебя трудно будет. Я вот тебе работу предложить хочу. Пойдёшь ко мне водителем? Я своего балбеса выгнал, совсем машину разбил. Верю, ты наладишь.

– Налажу, Иса Ахметович. Спасибо большое! – с готовностью ответил Гейдар, и первая за эти траурные дни улыбка появилась на его хмуром лице, где уже начали отрастать усы, как символ старшего в семье мужчины.

– Водительские курсы, чтобы получить шофёра первого класса, в районе можно пройти – продолжал Гаджиев, – а с такой профессией нигде не пропадёшь, хоть в армии, хоть на гражданке.

Гейдар ушёл в работу с головой. Жалко, конечно, было разбитую в горах машину, которую он знал практически до винтика, но теперь в его руки попала новая машина, которую необходимо было привести в порядок после прежнего разгильдяя водителя. Гейдар освоил машину самоучкой, теперь же с интересом учился на водительских курсах, значительно продвинувшись в шофёрской профессии. После их окончания Гейдар уже с полным правом возил своего шефа не только за пределы района, но и в Грозный. Молодость не терпит уныния. И у Гейдара воспоминания о пережитой трагедии стали постепенно терять свою остроту и тонуть в новых волнениях и заботах.

– Ну что ты, мама? – спрашивал он мать, увидев в очередной раз следы слёз на лице.

– Ничего, сынок. Не обращай внимания, живи спокойно, – отвечала Лейла, по-детски стирая слёзы ладонью.

– Как же «спокойно», если ты всё время плачешь, – загорался Гейдар. – Мне ведь тоже оч ень жаль отца, но я же держусь.

– Что ты сравниваешь? Отец не муж. Не понять тебе меня.

До этого Гейдар видел мать плачущей только в день похорон Степана Ивановича, но те слёзы высохли быстро, теперь они постоянно тихо катились по её щекам, и видеть это было невыносимо. Ещё больше поразился Гейдар, когда застал мать стоящей на коленях в одной рубахе.

– Мама, ты что, молишься?

– Да, сынок, молюсь.

– Мама, как ты можешь! – с комсомольской горячностью закричал Гейдар. – Ты что, не знаешь, что бога нет, что это опиум для народа?

Не вставая с колен, Лейла тихо ответила ему:

– Я в школе не училась и комсомолкой не была, но я забыла Аллаха, и Он покарал меня. Теперь я буду молиться, как и раньше там, в горах.

– За кого ты молишься, отца ведь не вернуть?

– За то, чтобы Аллах простил ему его преступления, и за тебя. Ты единственное, что у меня осталось.

– Мама, всё это бред. Как я молился, чтобы Аллах оставил отца в живых, когда спускался в овраг к разбитой машине, но разве Он меня послушал?

– Он не мог тебя услышать, ты же вспомнил Его только в тяжёлую минуту, а раньше и знать о Боге не хотел.

– Что ты хочешь сказать, что я тоже должен молиться? Я же комсомолец!

– Можешь не молиться, дело твоё, но и мне не мешай.

В её словах звучала такая твёрдость, что Гейдар не решился спорить с нею и больше не лез к матери с атеистической пропагандой. Привыкнув к атмосфере покоя и радости, царившей в их семье, Гейдар не хотел смириться с тем, что в доме стало тоскливо и неудобно. Он пытался расшевелить мать и отвлечь её от горестных мыслей, принося в дом новости, которых ему не надо было искать. Он в них просто купался, будучи водителем сельского головы. Гаджиев, распаясь на очередном заседании в райкоме, в машине вываливал на голову парнишке то, что побоялся или не захотел сказать на совещании. Часто приходилось кого-то подвозить, и пассажиры, особо не обращая внимания на водителя, обсуждали с председателем накопившиеся проблемы. Особенно популярной темой были события в стране, которые после смерти Сталина стали раскручиваться с какой-то невероятной быстротой. Когда хоронили Сталина, Гейдар вместе со всем классом ходил на сельский митинг, устроенный на центральной площади села. Многие школьники плакали. Парни стояли нахмурившись. С трибуны сельское начальство славил умершего вождя и клялось продолжать начатое им дело. Выступал и отец, который сказал, что приложит все силы, чтобы воспитать подрастающее поколение в духе идей Ленина и Сталина. Как ни скверно было у Гейдара на душе, но он, хорошо знавший отца, почему-то подумал, что слова его на митинге звучат неискренне, и ему впервые стало как-то неловко за него.

Вечером после митинга, придя домой, он обратил внимание на то, что отец и мать совсем не в траурном настроении и всё о чём-то шушукуются. Всё это было странно, и он с вызовом спросил:

– Папа, тебе что, не жалко Сталина?

– Почему ты спрашиваешь, сын?

– Какой-то ты не очень печальный?

– Тебе это кажется. Конечно, жалко, как не жалеть умершего человека?

– Я тебя не о человеке спрашиваю, а о Сталине. Тебе что, не страшно?

– А чего я должен бояться, сынок? – спокойно ответил Руслан.

– Того, чего бояться все, что страна погибнет без Сталина, – с вызовом ответил четырнадцатилетний Гейдар, который в апреле на ленинские дни собирался вступать в комсомол.

– Не может погибнуть огромная страна, даже в случае ухода такого человека, как Сталин, запомни, сынок. Найдутся новые вожди, ты уж не сомневайся, и всё будет хорошо, – сказал он примирительно и вышел во двор.

Что-то странное прозвучало в словах отца, но Гейдар успокоился, тем более что отец оказался прав. Скоро на страницах газет, которые дружно изучали всей школой, замелькали новые имена: Булганин, Маленков, а летом 53-го все были буквально ошарашены известием о том, что арестован Берия как враг народа. Этому известию село обрадовалось, так как поползли слухи, что скоро вернутся высланные Берией односельчане. Затем со страниц газет ушли и Булганин с Маленковым, успев поехать по стране и слетать за рубеж, что было совершенно необычно для руководителей Страны Советов. Их место занял новый вождь – Хрущёв, который заполнил не только страницы всех советских газет, но и стал основной темой разговоров у народа большой страны. Летом 1956, когда Гейдар стал возить председателя сельсовета, о Хрущёве говорили непрерывно. Хрущёв сказал это, сделал то, поехал туда, вернулся оттуда. Вскоре Гейдар стал улавливать какие-то новые ноты в разговорах, которые крутились вокруг XX съезда Коммунистической партии и речи на съезде Хрущёва, которой никто не читал, но, по слухам, она была очень критическая. Гейдар улавливал в разговорах пассажиров какие-то намёки на «хозяина», который много натворил, и вот теперь всё вскрылось. Одни считали:

– Зря это Никита сделал.

Другие откровенно радовались:

– Наконец-то, шила в мешке не утаишь.

Имя Сталина никто не называл, но Гейдар не сомневался, что «хозяин» – это он и именно его критиковал на съезде его преемник. Мысль эта была совершенно невозможной, но и бесконечно интригующей. Как-то, не вытерпев, Гейдар спросил Гаджиева:

– Иса Ахметович, что было на XX съезде? Какого хозяина критиковал Хрущёв?

– Кто тебе такое сказал? – заволновался Гаджиев. – Ничего такого не было, говорил Никита Сергеевич, что надо поднимать страну, хозяином которой является советский народ.

Переспрашивать Гейдар не стал, но, придя домой, сказал матери:

– Мама, мне кажется, на XX съезде Хрущёв критиковал Сталина, может быть такое или нет?

– Сынок, у кого ты спрашиваешь, что я в этом понимаю? Я же газет не читаю. Отца нет, спросить не у кого, – произнесла она, и опять одинокая слезинка побежала по её щеке.

– Ну вот, опять начинает, – раздражённо сказал сын и уткнулся в книгу.

Не окончившая школу Лейла, благодаря стараниям дяди Сандро, читать умела и любила. Школьная библиотека была для неё самым интересным местом на земле. Читала она много и запоем. Особенно любила русских классиков, писавших о Кавказе и о Петербурге – городе, про который так много рассказывал её учитель. Руслан, зная интерес жены к этому городу, обещал, что в очередные школьные каникулы обязательно свозит семью в Ленинград, где живёт его фронтовой друг. Выполнить свои обещания он так и не успел. Из советских писателей Лейла признавала только Шолохова и пролила немало слёз над страницами его книг.

– Ты чего опять носом шмыгаешь? – спрашивал её Руслан, увидав её за раскрытой книгой. – Опять кого-то жалко?

– Да, жалко, – смиренно отвечала Лейла, – Аксинью. Она любит, а не может быть вместе с любимым.

После гибели мужа читать она перестала, так как стоило ей взять книгу в руки, как слёзы начинали литься буквально от первой прочитанной строчки, которая каким-то странным образом напоминала Лейле о постигшем её несчастье.

– Мама, если ты плачешь от книг – возьми почитай газеты, там про любовь не пишут, – предлагал ей Гейдар.

– Любовь – это жизнь, а газеты – это всё выдумки, читать это неинтересно, – сопротивлялась Лейла.

Однако в тот день, когда Гейдар прибежал домой с газетой «Правда», где была напечатана речь Хрущёва на XX съезде, и уже с порога закричал: «Я ведь догадался, что что-то не то, что-то скрывают! На, почитай!» Нехотя взяв газету, Лейла уткнулась в неё, время от времени тяжело вздыхая. Дочитав до половины, она отложила газету и тихо произнесла:

– Отец был прав. Это лавина. Не дождался он, когда она сойдёт.

– Так отец знал, что творится в стране? – удивлённо спросил сын, стараясь не замечать её слёз.

– Он так сказал, когда горцев с Кавказа выселяли. Больше мы об этом никогда не говорили. Да и что толку со мною об этом говорить? Я же только перед войной спустилась с гор. А там была совсем другая жизнь, – нахмурилась она и вышла в кухню, давая понять, что разговор закончен.

– Мама, – не отставал сын, – ты никогда не рассказываешь про своих родных. Кто был мой отец, дед? Как они погибли? Может быть, тоже были репрессированы?

– Нет, сынок. Наших завалил оползень, – твёрдо ответила Лейла. – А были они уважаемые люди в горах.

– Странно, – удивился Гейдар, – ты со мной, младенцем, осталась, а они погибли. Ты ничего не скрываешь?

– Гейдар, мы с тобой спаслись благодаря тебе: ты меня заставил из дома выйти и отойти от дома. Так что нас не задело. Я же тебе рассказывала.

Эта недосказанная правда успокоила Гейдара, но очень хотелось знать фамилию своего рода.

– Ахметовы.

Так она назвалась, придя в Боевое. Это была фамилия их дальнего бедного родственника, жившего в Панкисском ущелье, который, как говорил отец, дружил с русскими.

– Расскажи что-нибудь о них, – попросил Гейдар.

– Почему ты не спрашивал о них, когда был жив отец? – удивилась Лейла.

– Мне его хватало. Я ведь не понимал, что значит родной отец. Мне кажется, что для ребёнка, кто рядом – тот и отец. Давно хотел спросить про настоящего, но не хотелось тебя расстраивать.

– Его звали Магомет. Он был храбрый воин, хорошо танцевал, как ты.

– Ты его любила?

– Любила, наверное. Я ведь его до свадьбы и не видела ни разу. Нас засватали. Наши отцы были из одного тейпа. Он тоже был совсем мальчишка. Красивый и добрый. Почему не любить?

– А как же Руслан? Ведь любовь – это навсегда?

– Что ты меня мучаешь? Ещё немного – и поймёшь, что такое любовь, навсегда она или нет. У каждого по-своему. Магомета жалко, а без Руслана я просто жить не могу, это любовь или что? – сказала она с таким отчаянием, что Гейдар понял: ещё немного – и опять покатятся слёзы, которые он так не любил.

При виде плачущей матери он просто не находил себе места и терял самообладание. Лейла действительно совершенно изменилась после гибели мужа, очень похудела и постарела. Чёрная, траурная одежда ещё больше подчёркивала произошедшие в ней перемены. Тёмные, траурные одежды на Кавказе не редкость. Женщины здесь носят траур годами, даже по давно умершим родственникам. Однако, глядя на Лейлу, каждый ощущал глубину постигшего её несчастья.

– Ну, девка-матушка, ты совсем себя загнала, разве же так можно? – корила её баба Зина. – Я мужа да сыновей обоих похоронила и выжила, а ты уж себя заживо хоронишь. Тебе, почай, ещё и сорока нет, а ты как старуха гнёшься к земле. Тебе же ещё сына надо в люди вывести да внуков вырастить. Это ты знаешь?

– Знаю, – тихо отвечала Лейла, – но ничего с собой сделать не могу.

– Ты бы хоть подумала о Гейдарке. Каково ему вечно горестную мамку видеть? Смотри, сбежит от тебя. Мужики – они в горе жить не любят.

Гейдар действительно стал всё реже и реже бывать дома и однажды поймал себя на предательской мысли, что лучше было уехать учиться в Грозный, чем видеть непрерывные слёзы матери. Поэтому, когда весной начался очередной призыв и Гаджиев предложил поговорить в военкомате об отсрочке от военной службы для единственного сына одинокой матери, Гейдар отказался.

– Зачем откладывать? Я служить пойду, – ответил он твёрдо.

– А как же учёба?

– Вернусь, пойду на заочный факультет. Я в газетах читал, что в стране приняли новый закон о приёме в институт. Для поступления надо иметь или четыре года стажа на производстве, или отслужить армию.

– Вот интересно, а я и внимания на это постановление не обратил. А как же школьники?

– Школьников зачислят только при условии сдачи всех пяти экзаменов на пятёрки, мне этого не потянуть.

В возрождающейся после войны стране конкурсы в технические институты были огромными. Склонный к экспериментам Хрущёв, как и большинство членов правительства, получивший заочное образование, решил решить эту проблему своеобразным способом: ограничить высоким проходным баллом поступление выпускников школ и дать огромные льготы абитуриентам со стажем. Мнение учёных о том, что только свежие мозги способны к восприятию сложных точных наук, было проигнорировано. «Ничего, пусть грязь пузом потрут, прежде чем в инженеры выйти», – решило пролетарское правительство, и этот закон до конца правления Хрущёва практически отсёк от учёбы наиболее подготовленных абитуриентов.

– Ну, коль так, – сказал Гаджиев, – может быть, ты и прав. Иди служи, когда вернёшься, я тебе направление в институт от нашего совхоза дам.

Лейла не стала удерживать сына дома. Как ни странно, ей тоже хотелось побыть одной, чтобы не отравлять жизнь сыну своими переживаниями.

Школу молодого бойца Гейдар проходил под городом Горьким. Военный городок стоял на берегу Волги, и вид широченной реки просто потряс Гейдара. Узкие, мелководные, но бурные реки Кавказа мало походили на Волгу – спокойную и величественную. Однако любоваться красотами великой русской реки в учебке времени не было. Многие его сверстники мучительно вживались в солдатскую жизнь, а Гейдар переносил всё легко. Не раз вспоминал он отца, приучившего его к турнику и пешим переходам. Не было у него и проблем с дедами, так досаждавшими большинству из новобранцев. Не то чтобы их не было совсем, но и те, что появлялись, разрешились быстро и без последствий.

Спокойная сдержанность Гейдара, его подчёркнутая независимость от чужого мнения, безусловно, раздражали дедов, но все эти качества не оставляли сомнений, что с этим новобранцем известные штуки типа: постирать носки ротному, продуть макароны, почистить зубной щёткой полы в казарме – не пройдут. Как-то самый зловредный из дедов, кривоzubый крепыш из-под Чернигова, ефрейтор Капшук придумал способ проверить Абрека (так он окрестил Гейдара) на вшивость. Однажды после отбоя, уже успев задремать, Гейдар проснулся от того, что кто-то грубо стащил с него одеяло.

– А ну, вставай, абрек!

Гейдар вскочил, не понимая, что происходит.

– Чего разлётся? Не чуешь, что твой ротный срать хочет?

– Я здесь причём? – спросил Гейдар, начиная понимать, что пришёл его черёд посвящения в новобранцы.

– При том, что твой черёд везти меня в сортир!

– Как это «везти»?

– А так! – И дед недолго думая вскочил на спину сидящего на краю кровати Гейдара и, набросив ему на шею скрученное полотенце, которое, по всей видимости, должно было изображать сбрую, заорал: – Вези, джигит, а то худо будет!

Странная, никогда ранее не испытанная ярость охватила Гейдара. Вскочив на ноги, не замечая сдавливавшего горло полотенца, он со всего маха ударил седока о железную спинку железных нар, и, когда тот, свалившись, поднялся и хотел наброситься опять, Гейдар тихо, но так, что услышала вся казарма, сказал:

– Ещё раз полезешь – зарэжу!

Налившиеся кровью глаза, заходившие на скулах злые желваки, рука, инстинктивно потянувшаяся к несуществующему кинжалу, – всё говорило о том, что этот новобранец не шутит и следующему обидчику не поздоровится.

– Абрек, ты псих, оказывается, надо было сразу сказать, – процедил сквозь зубы посрамлённый дед, после чего разбуженная казарма опять уснула.

Больше к Гейдару никто не лез. Он и сам удивлялся, откуда у него вылетело это «зарэжу»? Никогда раньше ему не приходилось произносить эту чисто кавказскую угрозу, да и, с детства много общаясь с русскими, говорил почти без акцента. «Вот ведь голос крови», – подумал он, засыпая, и дал себе слово, что после армии обязательно постарается побольше узнать о своём роде.

Как ни тяжела была учебка, но и она прошла. Сразу после присяги, когда пришла пора определяться с местом службы, на построении капитан отдал приказ:

– Певцы, танцоры и прочая самодеятельность, шаг вперёд!

Вместе с немногими новобранцами Гейдар сделал шаг вперёд, не отдавая себе отчёта в том, что это был шаг в самую светлую полосу его жизни.

– Вы поступаете в распоряжение капитана Хоменко. Шагом марш к машине! – прозвучала чёткая команда, и солдаты – потенциальные артисты двинулись за шедшим впереди капитаном.

Машиной их доставили в Горький в Дом культуры Советской армии, где уже собралось как минимум человек двести солдат со всего военного округа.

– Небось, начальство едет, надо концерт готовить, – шепнул весёлый, разбитной парень, сидевший рядом с Гейдаром.

– Бери выше, сейчас будут в армейский музыкальный взвод отбирать. Мне браток говорил, что служба там лафа, – отозвался кто-то сзади, – вот я и назвался, кому халявы неохота?

– Да нет, это, наверное, запевал для строя будут готовить, надо же уметь в строе петь, а то вы, салаги, воете, как будто вас за одно место тянут, – авторитетно заявил уже знакомый Гейдару ефрейтор Капшук.

– Вас-то, дедов, зачем учить, у вас ведь дембель скоро? – удивился сосед Гейдара.

– Это, понятно, для того, чтобы за оставшиеся до дембеля дни салаг погонять, чтобы песню не портили. Я вас, салаги, научу музыку любить!

– Мне кажется, это агитбригаду собирают, чтобы потом по колхозам в страду ездить и народ развлекать. Были у нас такие в институте. Вот уж где мы с деревенскими девчонками попели так попели, – мечтательно произнёс один из новобранцев.

– Тебя не за эти песни в армию-то из института выперли? – поинтересовался Капшук.

– Нет. Это я уже в институте после агитбригады никак собраться не мог, вот и загудел.

– Ты что, отличник, что в институт после школы попал? – поинтересовался Гейдар.

– Да, как ни удивительно. Но любовь, она и отличников ломает, мой друг Горацио! – со вздохом ответил лирически настроенный бывший студент.

– Какой он тебе Горацио – он абрек, – тихо, но злобно произнёс не забывший позора Капшук. – То есть бандюга по-ихнему, – добавил он и на всякий случай отодвинулся от Гейдара.

Гейдар был настроен миролюбиво:

– Абрек не бандюга, а человек, изгнанный из аула за какие-то провинности и вынужденный скитаться.

– Вот и получается, что бандюга, как ему иначе прокормиться, как не на дорогах грабить?

Возможно, этот разговор мог бы опять распалить страсти, но в этот момент по рядам солдат прокатилась команда:

– В зал шагом марш!

Небольшой зал офицерского клуба быстро наполнился возбуждёнными от неведения солдатами. Когда все расселись по местам, на сцену вышли двое: пожилой майор и девушка с короткой чёлкой и в какой-то необыкновенной, стоящей колоколом юбке.

– Юбка хороша, а ножки лучше, – шепнул Гейдару, севший рядом бывший студент.

По заскрипевшим креслам, по гулу одобрения, пробежавшему по залу при появлении девушки, стало понятно, что и остальные солдаты в восторге от её ножек.

– Дорогие товарищи! – торжественно начал майор. – Разрешите представиться. Это хударк Дома офицеров Аксёнова Елена Дмитриевна, а я главный капельмейстер объединённого хора Горьковского военного округа майор Певцов Евгений Иванович.

– Прав был ротный, петь будут учить, – зашептал в ухо Гейдару сосед слева.

– Подожди, зачем спешить? – чисто по-кавказски ответил ему Гейдар.

– Дорогие воины Советской армии, – продолжал меж тем майор, – вы, наверное, знаете, что Центральный комитет Коммунистической партии и Правительство Советского Союза выступили с инициативой провести в Москве фестиваль молодёжи и студентов, который должен объединить всю демократическую молодёжь мира и растопить лёд холодной войны.

– Вот бы охранять послали! – не дослушав до конца, опять зашептал сосед слева.

– Разговорчики, – раздался откуда-то сзади грозный шёпот капитана Хоменко, и солдаты, втянув головы в плечи, затихли.

– Вам предоставляется высокая ответственность представлять самодеятельность Вооружённых сил Советской армии на этом форуме, и мы надеемся, что вы не подведёте.

– Ни фиги себе! – удивился Студент (так уже звал его про себя Гейдар). – Это тебе не агитбригада – это тебе фестиваль! Но что могут наши раздолбаи, это же готовиться надо, а фестиваль, сдаётся мне, должен быть вроде через две недели.

Как бы услышав его вопрос, майор предоставил слово девушке-хударку, и она, покачивая своей юбкой-колоколом, грудным, хорошо поставленным голосом, выдававшим её вполне зрелый возраст, внесла ясность в вопрос о фестивале.

Фестиваль действительно должен был начаться через две недели. Молодёжь всей страны готовилась к нему целый год, но буквально накануне отдел по делам молодёжи Верховного Совета, которому было поручено проведение фестиваля, хватился, что Вооружённые силы Советского Союза не представлены на форуме, и сейчас по всем воинским округам проходили смотр-конкурсы армейской самодеятельности. Здесь тоже пройдёт такой смотр, на котором будут отобраны лучшие исполнители, которые и поедут на фестиваль. Смотр должен был начаться завтра, а сегодня солдатам необходимо было ещё устроиться на ночлег.

Ночлег был обустроен по-военному быстро и чётко. Солдат вывезли за город, где на самом берегу Волги они разбили походный лагерь с палатками, кухней, умывальниками и отхожим местом. Перед сном была дана команда продумать номера, которые завтра будут показывать на смотре, а утром зарегистрировать свой номер у капитана Хоменко, указав какой реквизит необходим для каждого номера. Чтобы собраться с мыслями и что-то отрепетировать, солдатам дали два часа свободного времени перед отбоем. Суэта началась необыкновенная: певцам и танцорам требовались аккомпаниаторы, музыкантам – инструменты, а представителям оригинального жанра – булавы, мячики и прочая дребедень для жонглирования.

Заволновался и Гейдар, так как ему для исполнения лезгинки (а именно её он и собирался представить на смотре) нужен был бубен и тот, кто умеет на нём выбивать необходимый ритм. Ещё в клубе он заметил, что кавказцев среди армейских артистов не было. Однако аккомпаниатор, как это ни странно, нашёлся сам собой. К Гейдару подбежал разгорячённый Студент и без предисловия спросил:

– Ты что, будешь лезгинку бацать?

– Да, а откуда ты знаешь? – удивился Гейдар.

– Мы с матерью позапрошлым летом отдыхали на Чёрном море, так там все кавказцы лезгинку танцевали. Вот я и подумал.

– Я и другие танцы могу. В танцевальный кружок в школе ходил, но хочу лезгинку, только некому мне такт выбивать, а так, без бубна, не очень хорошо будет.

– Не дрейфь, джигит, я к тебе поэтому и подошёл. Я ведь барабанщик. Была у нас в институте джаз-банда, я там на барабане стучал, пока не достучался. Тогда, в Гаграх, научился и лез-

гинку выстукивать. Хороший ритм, зажигательный, так что подстучу, – успокоил Гейдара Студент и, протягивая руку, сказал: – Давай знакомиться: Александр, можно Сашка.

– Гейдар, – ответил тот радостно. – Саша, а где бубен взять?

– Думаю, в офицерском клубе найдём, а пока я тут бочку железную присмотрел. Сейчас я у капитана попрошу отойти от лагеря, чтобы прорепетировать.

– Не отпустит.

– Не дрейфь, отпустит!

Действительно, уже через пару минут он подбежал к Гейдару и потащил его подальше от лагеря.

– Разрешил пребывать в зоне видимости, в ином случае грозил всё оторвать.

Гейдар уже не интересовался, что собирался оторвать капитан, так как за время учебки понял, что в арсенале воспитательных мер офицеров эта угроза не самая страшная. Лавина мата, которую обрушивали на головы солдат старшины и офицеры, уже перестала удивлять его, выросшего среди школьных учителей и в мусульманской культуре. Сам он ругаться и не только не хотел, но и не мог.

Захватив пустую пятилитровую жестяную банку из-под солёных огурцов, которые накануне съели за ужином солдаты, ребята расположились на небольшой полянке и в наступающих летних сумерках начали репетировать.

– Молодец ты, Гейдар, здорово танцуешь, значительно лучше, чем абхазы. Это я тебе говорю, – сказал после репетиции Сашка, когда они решили немного отдохнуть. – Тебя точно возьмут, а вот меня вряд ли.

– Не дрейфь, – повторяя интонации друга, ответил Гейдар, – если возьмут меня, то возьмут и тебя, так как ты стучишь так, как никто в селе не стучал. Извини, а что это такое – джаз-банд?

– Ты что, не знаешь? – выгнул дугой брови Сашка.

– Нет.

– Во деревня! Это музыкальный ансамбль, который играет джазовую музыку. Ты фильм трофейный «Серенада солнечной долины» видал? – Нет, – ответил помрачневший Гейдар, – я действительно из села, новых фильмов у нас показывали мало, да я и не любитель был ходить в кино. Ансамбль, машина... времени не было.

– Ладно, прости меня, засранца. Нам, москвичам, всегда кажется, что кругом одна Москва, а кто там не живёт – сами виноваты. А «Серенада солнечной долины» – это вещь! Посмотри на гражданке, понравится, у тебя удивительное чувство ритма. Ты полюбишь эту музыку. Меня родители (а они у меня учителя: папаша директор школы, мамаша русский преподаёт) отдали в семь лет учиться на фано, но я это фано в гробу видал, как и их институт, куда они меня с репетиторами затолкали. Я хочу быть музыкантом и стану им. После армии приду и стану. Обязательно джазистом, потому что нет музыки лучше джаза.

Гейдар постеснялся спросить, что это за музыкальный инструмент, на котором учился в детстве играть его новый друг.

– У меня отец тоже директор школы. – И, помолчав, добавил тихо: – Был.

– Как «был»? Бросил, что ли?

– Нет, не бросил, погиб.

– Извини, брат.

Услыхав это «Извини, брат», Гейдар вдруг взял, да и выложил новому другу всё то, что так мучило его. И про отчима, и про то, как любил его, как он погиб на его глазах, и про то, как не мог терпеть материнских слёз и ушёл в армию. Говорил он по-мужски коротко, но чётко излагая всё, что накопело на душе, и Саша, поняв его боль, сказал:

– Молоток твой отец был, таким гордиться можно, а в армию пошёл правильно. Меня тоже мамаша доставала своими слезами, когда из института вышибли, только в армии и успо-

коился. А теперь надо жить дальше. Я ведь со своим джазом собирался в фестивале участвовать, но не пришлось, надо теперь таким способом пробиваться. И мы пробьёмся, это я тебе говорю!

Смотр-конкурс начался по-военному точно в восемь утра. В состав отборочного жюри вошли преподаватели музыкальных кружков офицерского клуба во главе с главным капельмейстером и симпатичным худруком. Зрителями были прибывшие на конкурс солдаты. Как и полагал Студент, номера были сырые и отбирать было особенно не из чего. Первым на сцену вышел артист оригинального жанра. Жонглёр – тощенький белобрысый солдат, который, за неимением булав, жонглировал пустыми бутылками, которые раздобыл в местном буфете. Бутылки слушаться его не хотели и со звоном разбивались о сцену. Смущённый артист, виновато улыбаясь и приговаривая: «Сноровку потерял», брал очередную, которая вскоре тоже падала, покрывая сцену зелёными осколками. После пятой разбитой бутылки капельмейстер не выдержал и попросил прервать номер. В результате выступление очередных артистов шло на фоне старушки уборщицы, сметающей звонкие осколки метлой, что раздражало артистов, но безумно забавляло сидевших в зале солдат. Время от времени из зала раздавались реплики типа:

– Бабка, ты давай мелодию правильно выводи, подыграй артистам!

Подыгрывать было кому, так как потянулись певческие номера. Звучали песни на языках солдат со всего многонационального Союза. Аккомпанировал им на баяне баянист офицерского клуба. Песни были разные, но звучали они ни в склад и ни в лад. Нескольких исполнителей просто остановили посередине куплета. Сложности возникли только с Капшук, который тоже заявил себя на песенный конкурс. Он долго не мог начать песню, не попадая в лад с баяном. Потом, наконец вступив, заревел зычным голосом, не считаясь с мотивом. Капельмейстера, стоявшего с поднятой рукой, означавшей конец выступления, он упорно не замечал. Капельмейстер сдался, понимая, что остановить ефрейтора невозможно, и дослушал длинную украинскую песню «За туманом» до конца, с лицом человека, страдающего зубной болью. Слова, к сожалению, Капшук знал все. Пел он неправильно, но упоённо, не замечая хлопков с места, свиста и разъярённого лица капитана Хоменко. Когда песня наконец кончилась, ефрейтор, нимало не смущаясь, предложил ещё спеть «Ревэ тай стогне Днипр широкий». В этот момент на сцене появился капитан Хоменко, который уже давно пробивался к сцене, и, подойдя к солдату, отдал команду:

– На-ле-во, шагом марш со сцены! Я тебе пореву! На гауптвахте допоешь, певец хренов.

Когда Капшук удалился, капитан, глядя в зал, грозно произнёс:

– Вас, бараны, на смотр самодеятельности, а не самонадеятельности привезли. Одним словом, если ещё один такой чудак на букву «м» здесь появится – отправится вслед за этим на гауптвахту. Слушать команды майора. Встал он с места – значит шагом марш со сцены. А то вишь, моду взяли, со всяким говном, то есть дерьмом, – поправился он, поглядев на женщину-худрука, – лезут, а ты их слушай! На фестиваль вас, чурбанов, собираются послать, а вы тут Ваньку валяете.

Оказалось, однако, что капитан несколько предвосхитил события, так как «валяние Ваньки» было ещё впереди. Не успел стихнуть топот капитановых каблуков по сцене, как уже объявили номер с интригующим названием: «Нанайская борьба». После этого на сцену выскочило нечто в белом с двумя белыми головами наверху. То, что это головы, становилось понятно благодаря нарисованным на них углём улыбающимся рожицам. Это странное двухголовое чудовище завертелось и закувыркалось по сцене, изображая, судя по названию номера, схватку двух нанайцев. Гейдар видел подобный номер на концерте заезжих гастролёров в их сельском клубе. Помнится, тогда он очень много смеялся, наблюдая возню одетых в меховые северные одежды человечков, которых, как выяснилось в конце номера, изображали не дети, а один человек. То, что творилось сейчас на сцене, было нелепо и неуклюже до смешного.

Смех начался уже на первой минуте выступления. Смеялись не над номером, а над чудачком, чьи грязные босые ноги непрерывно мелькали в этой белой смешной куче. Смех превратился в рёв, когда сквозь шум отчётливо прозвучал утробный звук непривыкшего к солдатской каше кувыркающегося солдата. Если бы не этот конфуз, номер бы ещё продолжался, но стушевавшийся артист вдруг распрямился во весь рост, а из прорехи вверху показалось простодушное потное лицо.

– Извините, нежданчик! – произнёс он под возобновившийся хохот зрителей.

Они только теперь разобрались, что «нанаец» был одет в двое белых солдатских кальсон, одни из которых были на туловище, а другие на ногах. Выглядывал артист в ширинку, которая обрамляла смущённо улыбающуюся рожицу парня рядом белых пуговиц и прорезных петель. Открывшийся факт просто потряс публику, которая зашлась в истерическом хохоте. Смеялись все – и солдаты, и жюри. Капельмейстер смеялся, держась за сердце, худрук – держась за уставшие от смеха скулы, а солдаты валились от хохота друг на друга. Смеялся даже капитан Хоменко, вытирая катившиеся из глаз слёзы большим армейским носовым платком. Не смеялся один только горе-артист, и было видно, что он готов и дальше развлекать публику.

– А ну, шагом марш со сцены, клоун! – прозвучала команда пришедшего в себя капитана.

Когда, выполняя эту команду, рядовой по всем правилам повернулся налево и пошёл строевым шагом за кулисы, покачивая всеми двумя тряпичными головами за спиной, народ уже не смеялся – он стонал. Вот после такого безудержного веселья на сцену надо было выходить Гейдару со своим номером. Он и до этого изрядно переволновался, не увидев рядом Сашки, но буквально за пять минут до их выхода на сцену тот появился, держа в одной руке черкесский наряд, а в другой бубен.

– Давай быстро переодевайся – не в галифе же лезгинку отдирать, вчера чуть со смеху не умер, как ты без сапог да в этих самоварах выступал.

Гейдар, лихорадочно натягивая на себя наряд, всё же успел спросить:

– Где взял?

– Где взял, где взял... украл, – ответил ему друг, помогая застёгивать черкеску, но, увидев удивлённый взгляд Гейдара, миролюбиво добавил: – Не дрейфь, с двумя тётеньками слушащими здесь поговорил, вот и одолжили.

В этот момент худрук-конферансье, дождавшись, когда стихнет разбушевавшийся зал, объявила номер Гейдара. Сердце его ухнуло куда-то в пятки, но как только он услышал чёткий ритм, выбиваемый Сашкой на бубне, ноги сами понесли его по сцене. В глазах замелькали лица солдат, членов жюри, огни ramпы. Стоковавшееся по лезгинке тело выделяло на сцене такие коленца, что уже в середине танца Гейдар услышал, как зал начал хлопать в такт бубну. Когда танец был окончен, зал взорвался аплодисментами.

– Ну ты молоток! – закричал уже за кулисами Сашка. – Едем! Видал, жюри аплодировало, даже Хома хлопал!

Когда смотр был закончен, и жюри удалилось на совещание, солдаты плотной толпой окружили Гейдара, расхваливая его талант. Тут даже Капшук не сдержался:

– Молодец ты, абрек! Лихо пляшешь! Может быть, ты к нам в роту после фестиваля попадёшь, так меня танцевать лезгинку научишь.

– Научишь тебя, – ответил за Гейдара Сашка, – сдаётся, тебе медведь не только на ухо наступил, но и ноги все отдал. Просто странно, чего ты на смотр полез?

– Чего там странного? – хитро улыбаясь, ответил Капшук. – Это вы, салаги, не знаете, как в армии на халяву развлечься, а мы на этом деле за два с половиной года не одну собаку съели. Чуть что – вызываешься, а там будь что будет.

– Будет гауптвахта, – ехидно сказал кто-то из солдат.

– Ну и хрен с ней, гауптвахта так гауптвахта, зато как повеселился, ещё на нарах досмеиваться буду.

В это время через толпу солдат пробился сияющий капитан, объявил, что номер Гейдара жюри одобрило.

– Ну, поздравляю, солдат! – сказал он, не скрывая радости от того, что именно их часть хорошо показала себя на смотре.

– Служу Советскому Союзу! – браво и весело ответил Гейдар.

– Ты откуда – из Грузии, что так здорово лезгинку пляшешь? – поинтересовался Хоменко.

– Нет, я чеченец из-под Грозного, – неожиданно для самого себя ответил Гейдар, хотя по документам он был черкес.

При получении паспорта он спросил у родителей: какую национальность указывать? Мать, с лёгкой руки Гаджиева ставшая русской, не знала, что ответить. Отец, подумав, сказал:

– Какой ты русский, посмотри на себя, ну а от лишних вопросов – запишись по моей национальности – черкес. Потом разберёшься. Чеченцем сейчас быть опасно.

И вот теперь, сам не зная почему, он вдруг назвал свою истинную национальность.

– А не один хрен, что чеченец, что грузин? – поинтересовался кто-то из окружавшей Гейдара толпы.

– Нет, не один, – ответил за Гейдара капитан. – Чеченцы – это горские народы, мусульмане, а грузины из Закавказья, как и русские – православные христиане.

– Вот я и говорю, Абрек, – опять влез Капшук, – самый зловредный на Кавказе народец. Ещё у Лермонтова написано: «Злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал».

– Ну ты, Капшук, даёшь, посмотришь на тебя – деревня деревней, а ты ещё и Лермонтова читаешь, – оттирая от ефрейтора взбешённого Гейдара, сказал Сашка.

– Скажи спасибо, салага, что ты не из нашей части, а то я бы тебе показал, кто из нас деревня, – загорелся Капшук. – Послужи с моё – поймёшь, кто такие чечены.

– Прекратить разжигание национальной розни! В нашей стране все народы равны, – как на политзанятиях, отчеканил политрук Хоменко. – Ты бы лучше, Капшук, рядовому Уламову спасибо сказал за то, что он тебя от губы спас. Не могу же я приехать в часть с радостной вестью о том, что наш номер отобран на фестиваль, и тут же тебя на губу отправлять. Певец хренов.

– На построение становись! – разнеслась очень кстати команда, и солдаты, затопав сапогами, побежали искать свой строй.

Капельмейстер объявил результаты конкурса. На фестиваль было отобрано пять номеров, и в том числе лезгинка Гейдара и Сашки.

– А мой? – вдруг разнёсся над колонной возмущённый голос «нанайца». – Смеялись, смеялись, а взять не взяли.

– Разговорчики в строю! – грозно рявкнул стоящий рядом с капельмейстером Хоменко. – А если не понял, то я тебе объясню, что не над номером смеялись, а над тобой, дураком. С тебя ещё за порчу казённого добра взыскать надо. Небось, две наволочки на эти дурацкие головы изорвал. Сейчас вот заставлю всех галифе спустить, чтобы ещё и того наказать, кто тебе вторые кальсоны занял.

Однако по лицу Хоменко было видно, что этим угрозам сбыться не суждено, так приятно ему от того, что отличилась их часть. Гейдар тоже был счастлив, хотя где-то в глубине души осталась горечь от выпадов Капшука, но сожаления о том, что он назвал себя чеченцем, не было. «Вернусь из армии – обязательно поищу свою родню», – в очередной раз подумал он.

Для подготовки к участию в фестивале Вооружённых сил Советского Союза уже под Москвой был разбит палаточный лагерь, куда привезли отобранных участников самодеятельности воинской со всей огромной страны. Режим был военный. В шесть часов побудка, построение, завтрак – и строем на репетиции, которые проходили на агитплощадках, расположенных в этом районе пионерских лагерей. На эти же площадки строем приводили пионеров – зрителей. Репетиции шли и после обеда, и до ужина, затем небольшой отдых, и прогоны концертов

до самого отбоя. В первое время всё это очень забавляло, а потом стало раздражать. После очередной лезгинки Гейдар уже мечтал о том времени, когда всё это закончится и они попадут в Москву. Ему, сельскому жителю, даже Грозный казался совершенно необыкновенным городом, ну а уж Москва, столица его великой Родины, представлялась чем-то совершенно необыкновенным и недостижимым.

– Саша, а какая она, Москва? – спрашивал он у друга – коренного москвича.

– Москва как Москва, большая и шумная, – отвечал Сашка без особых эмоций.

Его занимали совершенно иные проблемы. С чисто столичной хваткой он уже перезнакомился с женским персоналом практически всех окружающих лагерь пионерских лагерей. Оставалось только гадать, как ему это удаётся в условиях постоянных репетиций и строгого военного распорядка. Поехавший сопровождать солдат от Горьковского военного округа капитан Хоменко каждый день на построении говорил:

– Замечу, кто из вас к пионеркам пристраивается – отправлю назад в часть. Понятно объясняю?

Когда Сашка вытащил из-за пазухи первые жареные пирожки с повидлом и протянул Гейдару, тот очень удивился:

– Откуда?

– Места знать надо, – как всегда, уклончиво отвечал Сашка. – Поговорил тут с местным персоналом, вот и угостили.

– Нам же запретили с пионерками общаться.

– А я и не с пионерками. Зачем они нам нужны? Я с работниками кухни беседовал. На них запрета не было, впрочем, как и на пионервожатых. Сегодня нас после отбоя ждут.

– Да ты что? Узнают – в часть отправят, а мне так в Москву хочется, – перепугался Гейдар.

– Не дрейфь, пацан! Смелость города берёт! Зачем мы будем рассказывать всем, что нарушили приказ? Одним словом, после отбоя не спать, а делать как я. Тобой там, кстати, интересовались, я обещал привести.

– Кто? – простодушно спросил Гейдар.

– Кто, кто, дед Пихто! Сам увидишь, если не сдрейфишь.

После отбоя, когда, уставший от непрерывных репетиций, расквартированный в их палатке взвод артистов засопел, Гейдар почувствовал, что кто-то тянет его с кровати вниз. Свесив голову, он едва разглядел в кромешной тьме белобрысую голову Сашки и соскользнул вслед за ним. Тот потащил его под соседнюю кровать и, подняв край палатки, толкнул в образовавшуюся щель Гейдара.

– По-пластунски марш, – услышал он едва различимый шёпот друга.

Выбравшись из палатки, ползли довольно долго, утыкаясь в темноте в колючие ветки окружающих лагерь ёлок.

– Перебежками вперёд за мной! – услышал Гейдар очередную команду и бросился за едва различимой в темноте Сашкиной фигурой в лес.

– Ну, а теперь можно и передохнуть, и оправиться, – отдал очередную команду Сашок и, усевшись на полянке, стал расчёсывать свои белёсые вихры.

– Саша, а вдруг капитан придёт проверять, а нас нет? – засомневался Гейдар.

– Не придёт, это я тебе говорю, а если не веришь – я тебе сейчас что-то покажу. За мной, но тихо!

Прошли совсем немного, и Гейдар начал различать доносившиеся из-за ёлок голоса. Скоро стала видна компания, расположившаяся на лесной полянке вокруг небольшого костра. В центре компании сидел Хоменко, одной рукой держа наполненный стакан, а другой обнимая за талию симпатичную старшую пионервожатую из соседнего лагеря, которую Гейдар видел на репетициях. Капитан был без привычной форменной фуражки, прятанной его красивый

волнистый чуб. «Странно, он мне таким взрослым казался, а на самом деле совсем молодой», – подумал Гейдар, прислушиваясь к голосу капитана.

– Дорогие друзья! Давайте выпьем за родную Партию и Правительство, которые решили провести этот исторический фестиваль молодёжи и студентов в славной столице нашей Родины, городе-герое Москве! Главная цель фестиваля – это дружба и солидарность молодёжи всей земли. Учитывая, что мы тоже молодёжь, мы должны свято выполнять решения Партии и солидаризироваться.

После этих слов, лихо опрокинув стакан, он сгрёб в объятия слабо отбивавшуюся старшую вожатую и впился губами в её тоже уже изрядно подвыпивший рот. Компания, состоявшая из офицеров фестивальной команды и женского персонала администраций пионерских лагерей, вначале захлопала, но потом тоже лихо включилась в процесс «солидаризации».

– Ну вот, а ты говоришь, проверит, – нужны мы ему. Когда солдат спит, у них настоящая жизнь начинается, – зашептал довольно громко Сашка, оттаскивая Гейдара от полянки.

– Слушай, а ведь у него вроде семья есть, по крайней мере он говорил мне, что был бы рад, если бы его сын так плясать научился, как я.

– Ну ты даёшь! Действительно, только с гор слез. Жена не жена, а жизнь-то у нашего капитана одна, впрочем, как и у нас с тобой. Пошли, а то нас уже заждались.

Пройдя ещё с полкилометра, спустились к берегу лесного озера. У самой воды, вокруг костра, расположилась стайка девушек. Красных галстуков на них не было, но Гейдар сразу признал в них пионервожатых из лагеря, где была их агитплощадка.

– Принимайте джигита! Мой друг Гейдар, лучший исполнитель лезгинки на Кавказе, – показывая на Гейдара широким жестом, произнёс Сашка.

– Мы знаем, – нашлась одна из них, сидевшая ближе всех.

– Валентина, – представилась другая, протягивая руку Гейдару.

Взяв руку девушки за самые кончики пальцев, Гейдар сдавленно ответил:

– Гейдар. – И обрадовался, что вокруг темно и никто не видит, как он покраснел.

– Знакомься, Гейдар, – затарахтела Валентина, показывая на каждую из девчонок, скороговоркой говорила: – Это Света, Люда, Таня и Алла.

– Чего ты тараторишь, я и сама в состоянии представиться, – произнесла последняя из них и посмотрела на Гейдара с нескрываемым интересом. – Алла, – ещё раз повторила она своё имя и, крепко пожав его руку, пододвинулась, предлагая Гейдару сесть рядом с собой на поваленном дереве. – Садись, артист! Спасибо, Саша.

– Я же тебе обещал, вот и привёл, – заметил Сашка, усаживаясь рядом с Валентиной. – Я тут тост придумал, – начал он, подмигивая Гейдару, – где водка?

Водка, оказывается, остывала в озере, и, когда девчонки быстро разложили бутерброды и налили её, остывшую, в единственный стакан, Сашка произнёс тост, только что подслушанный у Хоменко, закончив его, как и командир, поцелуем солидарности с Валентиной.

– Эх, жалко, мужиков на всех не хватает. Надо было ещё кого-нибудь с собой взять, но больно народ ненадёжный. Один Гейдар так и рвался в бой – джигит, одним словом.

Гейдар, удивлённо посмотрев на друга, отказываться от его слов не стал и, пригубив протянутый ему стакан водки, чуть не выплюнул этот жгучий глоток назад. Водки он до этого времени ещё не пробовал. Отдав стакан сидевшей рядом Алле, он отхлебнул воды из протянутой чьей-то заботливой рукой бутылки.

– Гейдар, вам никто не говорил, – услышал он бархатный голос Аллы, – что вы очень похожи на актёра, игравшего в знаменитом фильме «Свинарка и пастух»?

– Нет, – выдавил он из себя.

– Ну, Аллочка, ты даёшь, – заметил Сашка. – Фамилия артиста Зельдин, он наш московский еврей, а Гейдар настоящий кавказец. Это тот под него косит, а не наш Гейдар под него.

– Ну ладно, пускай так, я не спорю, – спокойно сказала Алла. – Тогда я предлагаю выпить за настоящих мужчин, таких как Гейдар!

– А я что, не настоящий? – обиделся Сашка.

– Успокойся, настоящий, впрочем, не мне судить, – ответила Алла, выразительно поглядев на Валентину. Потом, повернувшись к Гейдару, заявила: – Только я бы хотела выпить с вами на брудершафт.

Гейдар замер, не понимая, чего от него хотят. Но вот уже в его кружку Сашка плюхнул водки, а Алла, продев свою руку под его согнутую, скомандовала:

– Пьём!

Эти два глотка водки прошли уже без последствий, и Гейдар, даже не успев обтереть губы, почувствовал, как Алла впиалась в них своими губами. Это было так неожиданно и непонятно, что ничего, кроме отвращения, этот поцелуй у него не оставил. Он даже едва заметно отодвинулся от Аллы и сел к ней вполоборота, чтобы не видеть устремлённых на него пристальных глаз. Остальные девчонки заметили его смущение и стали наперебой расспрашивать его о Кавказских горах, об обычаях, об вычитанных в книгах историях с воровством невест. Он отвечал односложно. Горы красивые, высокие, но опасные. Обычаи мусульманские, то есть строгие. Девушка не может выбрать себе жениха. Это её выбирают его родители и платят калым (выкуп) семье девушки.

– А если она не согласится? – спросила удивлённая Света.

– При чём тут она? Главное, чтобы родители согласились.

– А если он её украдёт?

– Ну, теперь это редкость. Наверное, высоко в горах, там, где власти нет, и крадут, а у нас в селе никто невест не воровал. Но по обычаю, если украл, должен жениться, иначе отец и братья девушки могут вора убить.

– Как «убить»? – ахнула Света.

– Ну, зарезать, в пропасть сбросить, – сказал, улыбаясь, Гейдар, решив припугнуть девчонок.

– А вдруг она его уже полюбила, тогда тоже сбросят?

– Чего вы к нему пристали? – вступился Сашка. – Он ведь не в горах живёт, а вполне цивилизованном месте и девушек не ворует.

– А жаль, – сладко потянувшись, сказала Алла. – Завернул бы меня в бурку, на коня и в горы...

– К очагу жрать готовить, – закончил за неё Сашка, – а ты, небось, поварёшку и в руках не держала.

– Да, а если она плохая жена окажется, что тогда? – забеспокоилась любопытная Света.

– Научит или назад родителям отдаст, но это большой позор и для женщины, и для всей семьи. Такое редко бывает. Девушек с рождения воспитывают быть хорошей женой и слушаться мужа, – закончил Гейдар и сам удивился, откуда он, никогда не интересовавшийся вопросами семьи, знает такие вещи.

– Ну вы и народ! – передёрнула плечами Алла. – Не хотелось бы в рабыни попасть.

– Почему «в рабыни»? Разве русские жёны не готовят еду, не воспитывают детей, не убирают жилище? – удивился Гейдар.

– Конечно, всё это делают, но добровольно, и домой вернуться могут спокойно, другого мужа искать.

– Ой, Алка, брось ты – добровольно! Добровольно-принудительно, это точно, – вступилась Люда. – Меня вон мама всё время пугает, что, если не научусь готовить, меня замуж никто не возьмёт.

– Возьмёт, но бить будет, – авторитетно заявил Сашка.

– Что, твою маманю отец поколачивал? – ехидно поинтересовалась Алла.

– Не за что было, тем более она у нас в школе была парторгом, что же, ей самой себе жаловаться?

– А что, другие жёны жалуются? – удивился Гейдар.

– Конечно, жалуются, ещё как. Хорошо, что в школе всего три семейные пары были. Наша химичка просто замучила маманю жалобами на своего мужа – преподавателя по труду. Тот как примет лишнего, так и начинает свою Пробирку (такая у неё кличка была) гонять. Я бы её тоже гонял, такая зануда.

– У нас на мужей жаловаться не принято, – сказал Гейдар. – Муж глава семьи, и его поведение не обсуждается.

– А что он дома делает? – не унималась Света.

– Ничего. Он должен деньги в дом приносить, а остальное женское дело.

– А дрова рубить?

– Ну понятно, дрова колет. Мой отец инвалид войны был, и то дрова колот.

– Ну а если садист попадётся, такое ведь тоже бывает, тоже надо терпеть?

– Наверное, терпят. Я не знаю, – ответил нехотя Гейдар.

Дальше разговор пошёл на разные темы, и Гейдар даже не заметил, когда от костра пропали Сашка с Валентиной. Через некоторое время они показались из темноты, смущённо улыбаясь и обирая приставшие к одежде хвойные иголки.

– Пошли, брат, нам пора, тем более от тебя, похоже, всё равно толку нет, – бесцеремонно сказал другу Сашка.

Проводив девушек, друзья пошли к своему лагерю.

– У тебя что, женщин ещё не было? – поинтересовался Сашка.

– Нет, – ответил Гейдар, радуясь, что в темноте Сашка не видит его зардевшегося лица.

– Во даёшь, а я с четырнадцати лет это дело познал. Была у нас в доме тётка – уборщица. Родители уйдут в школу, а она полы мыть. Юбка задерётся, ноги голые. Я сзади как-то пристроился. Смотрю, а она не возражает, замерла даже. Ну я и того... Так понравилось, что сама потом меня подбивала: давай да давай. Мужа её на войне убило.

– Меня это никогда не интересовало. Да и обычаи наши не позволяют, – строго сказал Гейдар, отбив охоту у Сашки продолжать эту скользкую тему.

Хмыкнув, он отстал от друга и больше в ночные походы с собой не звал.

Через два дня начался фестиваль, обрушившийся на голову Гейдара сказочным дождём. Москва его ошеломила. Единственный город, который он видел до этого, – был Грозный, но разве можно было его сравнить с Москвой, этой великолепной громадиной, украшенной башнями Кремля? Он мечтал о ней, как мать мечтала о Ленинграде. Ни одного урока в школе не обходилось без упоминания о Москве – столице их социалистической великой Родины, самой могучей, самой справедливой, самой красивой на свете. Сколько раз смотрел он фильм «Свинарка и пастух» – Гейдар и сосчитать не мог. Их танцевальный кружок занимался в сельском клубе, благодаря чему все их ребята были своими людьми для киномеханика, и он пускал их смотреть фильм бесплатно, за что танцоры помогали убирать зал после сеансов. В распоряжении сельского клуба было несколько собственных кинолент, и в том числе этот замечательный фильм о том, как простой кавказский парень попадает в Москву на сельскохозяйственную выставку. Мама, которая тоже не раз вместе с отцом смотрела этот фильм, говорила, что он про любовь, но Гейдар-то был уверен, что любовь тут не главное. Это фильм о сбывшейся мечте джигита: побывать в лучшем городе мира – Москве. И вот таким же удивительным образом, как и герой фильма, он, простой паренёк с Кавказских гор, тоже попал в Москву. От этой мысли кружилась голова, и сердце стучало в груди гулко и радостно. Было чему радоваться. Москва встречала своих гостей умытая, принаряженная, украшенная к фестивалю плакатами,

транспарантами, воздушными шариками и эмблемой фестиваля цветиком-семицветиком, разноцветные лепестки которого светили с каждой стены, с каждого столба и афишной тумбы.

Их музыкальная рота выступала на обтянутых кумачом, сколоченных из досок сценах, разбросанных по всей Москве. Ему понравилось выступать на площадке, расположенной на Андреевском спуске, откуда открывался великолепный вид на Кремль и Москву-реку. Почти так же красиво было и в сквере напротив кинотеатра «Ударник», но сцена, сколоченная прямо у фонтана «Дружбы народов» на сельскохозяйственной выставке, недавно переименованной в Выставку достижений народного хозяйства СССР, была так хороша, что иногда хотелось ущипнуть себя, чтобы проверить, не во сне ли это всё происходит? Неужели это уже не в кино, а наяву видит он эти знакомые по фильму павильоны и фонтаны выставки?

Архитекторы ВДНХ по заданию Сталина и Политбюро решили затмить царский Петергоф числом и красотой фонтанов. Роль главного петергофского фонтана-каскада по замыслу архитекторов должен был выполнять фонтан «Дружбы народов», самый роскошный фонтан Выставки. Он и вправду был очень хорош. Заходя на сцену, установленную между павильоном Советского Союза и фонтаном, Гейдар не уставал удивляться его красоте, блеску позолоченных скульптур – представителей всех союзных республик, купающихся в потоках водяных струй, игре радуги в каплях воды и радостным лицам зрителей вокруг сцены. К фонтану со всей территории Выставки стекался народ, и толпа у сцены никогда не убывала.

«Ну и пусть в фонтане нет скульптуры чеченца, – думал про себя Гейдар, – разве уместись здесь представителей всех кавказских народов? Но зато здесь я и могу показать всему миру, как танцует лезгинку наш народ!» От этой горделивой мысли он носился по сцене как вихрь. Сашка во время антракта не выдержал и спросил:

– Слушай, какой в тебя бес вселился? Такой темп взял, что я за тобой не успеваю.

– Ах, Сашка, – говорил счастливый Гейдар, – ты в Москве всю жизнь прожил и, наверное, уже её не замечаешь, а я мечтал, мечтал, а теперь увидел и влюбился. Так всего и распирает – и не только танцевать, а летать хочется.

– Эх тебя забрало, друг! А я не Москвой люблюсь, а женской половиной человечества. Посмотри по сторонам, на тебя пялятся девушки как минимум из двадцати стран: и русские, и француженки, и немки, и эфиопки, и кубинки, и китайки и прочая, прочая, прочая. Я бы сейчас вон ту негритяночку, тоненькую, так бы и прижал. Говорят, они пахнут совсем не так, как мы. Заодно бы и понюхал.

– Тебе всё одно на уме... – проворчал беззлобно Гейдар. – Прижмёшь, а она тебя завербует, и начнёшь ты военные тайны ей выдавать, помнишь, что Хома на политзанятиях втолковывал?

Действительно, параллельно с репетициями в подмосковном лагере солдат – будущих участников фестиваля – непрерывно учили осторожности в общении с иностранцами.

– Товарищи солдаты! На Международный фестиваль молодёжи и студентов съедется не только прогрессивная молодёжь. Империалисты не дремлют и обязательно воспользуются случаем, чтобы провести диверсию против социалистического лагеря или, по крайней мере, чтобы затащить в свои шпионские сети несознательных граждан. Вы, солдаты Советской армии, будете представлять особый интерес для спецслужб западных разведок, и они не упустят возможности попытаться завербовать вас. В связи с этим вы должны быть максимально бдительными и не входить в контакт с иностранными гражданами и гражданками. При подобных попытках с их стороны должны будете немедленно сообщить об этом старшему по званию. Для обеспечения вашей безопасности приказом по армии установлено, что военнослужащие должны пребывать на территории фестивальной Москвы группами не менее пяти человек, чтобы каждый осуществлял контроль за своим товарищем и оградил его от происков иностранной разведки. Замеченные в контактах с иностранцами немедленно отправятся в особый отдел. Если даже ничего не было, то всё равно фестиваль для вас закончится. Вопросы есть?

– Товарищ командир, разрешите обратиться, – поднял руку Сашка. – А если подойдёт к нам после нашего выступления кто-нибудь из иностранных товарищей, чтобы познакомиться? Что же, нам от них шарахаться как от прокажённых?

– Не «шарахаться», а привлечь всех остальных членов вашей группы к этому разговору и говорить только о преимуществах советского строя, о фестивале и о самодеятельности.

– А о погоде можно? – ехидно поинтересовался Сашка.

– Можно, рядовой Сергеев, – зачем дурацкие вопросы задавать?

– Почему «дурацкие»? Вы же не перечислили про погоду, вот я и спросил.

– Всё умничаешь? Скажи спасибо, что ты рядовому Уламову нужен, а то бы я тебя, языкатого, давно бы в часть отправил.

– Дело ясное, что дело тёмное, – проворчал Сашка, но чувствовалось, что для его вольной души эти запреты совершенно неприемлемы.

– Странный ты человек, – сказал ему как-то Гейдар, – что ты всё время задираешься? Отправят в часть, и всё.

– Понимаешь, непонятно мне, – с раздражением ответил Сашка, – зачем иностранцев назвали? Ведь основная идея фестиваля – дружба молодёжи, а дружить заставляют под присмотром и только на определённую тему. Я москвич, а за всю жизнь ни одного живого негра не видел, а тут всяких поехало, что же, только смотреть – и всё? Их-то, наверное, не предупредят, на какие темы можно с нами говорить. Начнут спрашивать: «Где живёшь?», «Что делаешь?» – а мы им что? Как у Чуковского: «„Му“ да „му“, а к чему, почему – не пойму!» Ну, скажут, и советская молодёжь! Сплошные бараны.

– Бараны не мычат, а блеют, – зачем-то поправил Гейдар. – Думаю, просто надо подальше от них держаться. К тому же что ты кипятишься? Ты что, языки знаешь?

– Представь себе, знаю, английский и немецкий. Предки заставляли учить, а вот практики нет, а что язык без практики?

Гейдар с уважением посмотрел на Сашку:

– Здорово, а вот я языков не знаю. У нас в школе то преподавателя не было, а потом прислали одного с испанским языком, но я решил, что он мне ни к чему, и ничего, кроме: «Но пасаран», не запомнил.

– Ну, кто не знает «но пасаран»? Вопили, вопили, что фашизм в Испании не пройдёт, а чем дело кончилось? До сих пор правит у них фашист Франко. Так что правильно ты этот язык не учил, ни к чему он. Всё равно поболтать не с кем.

– А испанец нам говорил, что на этом языке полмира разговаривает.

– Правильно, только нам-то, что до этого? Тут вон с камрадами из Восточной Германии хрен пообщаешься, – мрачно закончил Сашка, – а на английском вообще никто из коммунистических стран не говорит. Так что зря я его учил. Говорил предкам, разрешите мне лучше больше музыкой заниматься, а они упёрлись.

– Ты им сообщил, что в Москве будешь? – поинтересовался Гейдар.

– Зачем?

– Как «зачем»? Повидаться, что, неужели не соскучился?

– Да ну их. Придут на концерт и опять занудят: «Зачем институт бросил, чтобы на бубне стучать?» Я этого наслушался досыта, так что обойдусь. Да и не до них. Нельзя с иностранцами – мы с нашими общаться будем. Девчонки, надо полагать, со всего Союза приехали. Вот раздолье, – сказал он, повеселев.

Когда на фестивальных улицах Москвы их окружила разноликая и разноязыкая толпа, удержаться от общения с ними было тяжело не только разговорчивому Сашке, но и сдержанному Гейдару. От наводнения никогда ранее не виденных африканцев в просторных цветных одеждах, индусок в сари, латиноамериканцев в сомбреро и парней в клетчатых ковбойках и потёртых полотняных штанах кругом шла голова.

– Смотри, как иностранцы плохо одеты. Большинство в национальных костюмах. Остальные в простых рубашках и в этих потёртых штанах, – сказал как-то Гейдар другу. – Правильно говорят, что живётся им тяжело, не то что у нас.

– Эх ты, темнота! – возразил Сашка. – Это не простые штаны, это джинсы, которые сейчас во всём мире входят в моду. Я читал, что в скором времени в джинсах будет ходить основная часть населения планеты, так удобны и практичны эти штаны.

– И женщины? – удивился Гейдар.

– И женщины, как это ни странно. Это мнение одного модного портного из Америки. Я в одном американском журнале читал. У предков был ученик – сын дипломатов. Они и попросили его принести неадаптированный английский текст, чтобы я мог почитать настоящий английский, а не прилизанный текст учебников.

– Может быть, но про женщин он наврал, – упрямылся Гейдар. – Женщины в брюках ходить не станут. По крайней мере мусульманки, – добавил он.

– Во-первых, скоро с религией будет полностью покончено, – авторитетно заявил Сашка, – к тому же эмансипация, ты что-нибудь о ней слышал?

– Конечно, это борьба женщин за равноправие. Праздник Восьмое марта мы тоже празднуем. Права – это понятно. Женщины тоже могут работать, участвовать в выборах и так далее, но соблюдать обычаи они обязаны всё равно.

– Мать моя историк, говорит, что настоящая женская эмансипация – это возможность не только работать, но и жить так, как женщина считает нужным. Знаешь, они с отцом на эту тему спорили до хрипоты, но к согласию всё равно не пришли, так что давай закончим на эту тему. Посмотри лучше, как хороша вон та девчонка. А будь она в обтягивающих попку джинсах? Просто фантастика! И эта фантастика будет. Это я тебе говорю. Смотри, как наш народ к прогрессу тянется. Просто залюбили иностранцев до смерти. Вон смотри, две тётки пирожки напекли и суют их в руки голодающих трудящихся. И чего, дурачьё, упирается? Нам бы этих пирожков...

Действительно, простые москвичи, не запуганные шпионскими страстями, любили гостей фестиваля искренне и неистово. Их наперебой приглашали в гости, совали в руки русских матрёшек, которые продавались на каждом шагу, пытались подкормить на улицах или тащили в гости покушать, уверенные в том, что гости дома недоедают. Гости смотрели на хозяев с удивлением цивилизованного человека, приехавшего в гости к аборигенам. Вежливо откусывали пирожки, а потом незаметно кидали их в урну. С опаской заходили в густонаселённые и захламлённые коридоры московских коммуналок, чтобы выпить водки под нехитрую закуску, кивая головой и улыбаясь ничего не понимающей улыбкой на откровения хозяев, излагаемые на незнакомом русском языке. Говорили москвичи о солидарности трудящихся, о великой правде коммунизма, о широкой русской душе, готовой отдать последнюю рубашку за воссоединение пролетариата во всём мире. Гости даже представить себе не могли, что главное чувство, которое питают к ним хозяева, – это жалость о тяжёлой судьбе угнетённых братьев по классу, эксплуатируемых и ведущих полуголодное существование. Охотно гости участвовали только в обмене сувенирами. Особенно в ходу был обмен шляпами, платками, шарфами и даже рубашками. И очень скоро в Москве появились москвичи, одетые в ковбойки, и иностранцы в модных в ту пору в Союзе куртках-вельветках с молниями. Русским было невдомёк, что большинство гостей относится к фестивалю, как к карнавалам, которые не редкость в любой стране.

Гейдар смотрел на улыбающиеся жёлтые, чёрные и белые лица гостей фестиваля с нескрываемым восторгом. «Вот ведь все они любят нас. Нашу огромную многонациональную страну, победившую страшное зло на земле – фашизм». Смутился он, только когда мексиканец в широченном сомбреро после его выступления подошёл к сцене и стал протягивать ему эту удивительную шляпу, приговаривая:

– Ченч, ченч.

Гейдар, решив, что мексиканец дарит эту замечательную шляпу, перепугался.

– Нет-нет, я не могу взять, она дорогая, – отступая под напором гостя к сцене, отнекивался он.

– Он же тебе её не даром даёт, – услышал он голос Сашки. – Простит обменяться. Он тебе сомбреро, а у тебя просит папаху.

– На Кавказе, откуда я родом, есть такой обычай – дарить гостю понравившуюся ему вещь, – с истинно кавказским достоинством произнёс Гейдар, протягивая папаху мексиканцу.

Когда папаху уже красовалась на усатой голове мексиканца, Гейдар с ужасом вспомнил, что она казённая. Выручил вездесущий Сашка, который что-то залопотал на английском языке мексиканцу. Тот разочарованно протянул назад папаху, забрав из рук растерянного Гейдара сомбреро.

– Ты чего ему сказал? – поинтересовался Гейдар.

– Сказал, что в сомбреро тебе сложно будет танцевать, чтобы приходил сюда в последний день, тогда ты обязательно махнёшься шапками.

– Но ведь я и тогда не смогу её отдать, – расстроено сказал Гейдар.

– К тому времени он сам забудет прийти или выменяет свой абажур на что-нибудь другое, так что не дрейфь, а радуйся, что возле тебя такой человек, как я, а наши голуби сизокрылые сейчас воют и ничего не видят.

Им действительно дали в соглядатаи трёх солдат из другой части, которые вполне сносно исполняли очень популярную в то время песню «Летят белокрылые чайки». Сашка с первой минуты их невзлюбил и называл не иначе, чем «голуби сизокрылые».

– Почему «голуби сизокрылые»? Они же про белокрылых чаек поют, – простодушно поинтересовался Гейдар.

– Потому что белокрылые чайки стучать не станут, а у этих сизокрылых не заржавеет, – парировал Сашка, не доверяющий певцам.

– Да брось ты, нормальные они ребята, – заступался за певцов Гейдар.

До истории с мексиканцем они его практически не раздражали, так как нарушать приказ у него поводов не было, а вот Сашка буквально изнывал от необходимости непрерывно согласовывать свои действия с «голубями». Согласовывать приходилось буквально всё. На территории ВДНХ было множество киосков, где торговали вкусными сосисками с хрустящей булочкой и горчицей. Не только Гейдар таких вкусностей раньше не ел, но и москвич Сашка признался, что до фестиваля он о сосисках только слышал.

Недалеко от сцены стоял лоток на колёсиках с газированной водой. В белом халате и чепце, за этим передвижным прилавком стояла очаровательная девушка. Всего за три копейки наливала она стакан шипучей газированной воды с сиропом, добавляя этот сказочный бальзам в стакан из красивого стеклянного конического сосуда. Гейдар, в руках которого было всего тридцать рублей солдатского жалования, был готов потратить их все – только бы видеть, как священнодействует эта девушка, создавая необыкновенный напиток, который так приятно щипал во рту и хорошо утолял зажжённую лезгинкой жажду.

– В Грозном что, нет газировки? – удивлялся Сашка.

– Нет, конечно, только квас из бочек продают.

– В Москве этого добра навалом, только я боюсь к ним подходить, больно ос много вьётся вокруг сиропы, а у меня аллергия на их укусы, но для того, чтобы поболтать с этой замечательной газировщицей, я готов рискнуть.

Однако, чтобы подойти к возжеланным киоскам, надо было дожидаться, когда освободятся «сизокрылые», чтобы всем вместе по уставу отправиться пить воду, кушать сосиски и, что ещё более противно, сходить в туалет, который располагался недалеко от другого фонтана. Как назло, одному хотелось сосисок, второму газировки, третьему в туалет, а четвёртый (и это

чаще всего был Сашка) хотел поболтать с девушками, плотно окружавшими и сцену, и фонтаны. Любопытство и непоседливая натура распирали его, и, ловко разбросав пятёрку по интересам, пообещав клятвенно быть на виду и не общаться с иностранцами, он быстро заводил новые знакомства, привлекая в компанию Гейдара.

– Ну, знаешь, ты просто феномен. Стоит только с девчонками заговорить, они сразу про тебя спрашивают: кто, да откуда, да познакомь.

– Это они чтобы разговор поддержать, – отвечал Гейдар, – а на самом деле все только с тобой болтают.

– Эх ты, простота, женщин ты не знаешь. Они на красоту, как осы на сироп, кидаются, а ты у нас горный орёл и танцуешь как бог.

– Можно подумать, что ты не орёл, – беззлобно отбивался Гейдар.

– Ну не Квазимодо, но до твоих достоинств мне далеко. Белёс и мелковат. Моя сила в слове, а, как говаривал один мой знакомый, большой дока в женских делах, женщины любят ушами. Вот я и треплюсь: «Откуда такие красотки взялись тут у фонтана? Вы, случайно, не Любовь Орлова? Девушка, вам никто не говорил, что у вас самые красивые ноги на фестивале?» И, знаешь, бьёт без промаха. Ведутся и глупенькие, и умненькие, и красотки, и дурнушки. А ты рядом с девчонками стоишь гордый и неприступный, как Эльбрус. Вот они тебя поштурмуют, поштурмуют, а потом опять ко мне, грешному, спускаются.

– Да нужны они мне! – отвечал Гейдар почти искренне, хотя в глубине души немного завидовал своему лёгкому в общении другу. – Понимаешь, у нас не принято общаться с девушками. Школа у нас сельская, отдельного обучения, как в городе, не было, но мы всё равно с девчонками не общались.

– А они с вами?

– Они тем более. В селе строго обычаи соблюдаются. Девушки у нас строгие. Как только девчонка немного подросла, ей уже нельзя к парням подходить, а тем более наедине оставаться. Вот я и не привык.

– Ну и дела! Просто монастырь какой-то. Я бы у вас со скуки помер, – возмущался Сашка, кривя свои по-детски пухлые губы. – Но ты, Гейдарка, не дрейфь, если вместе служить будем, я из тебя покорителя дамских сердец вмиг сделаю. А пока пойдём вон на тех барышнях потренируемся, – говорил он, уже улыбаясь кому-то в толпе.

Гейдару ничего не оставалось, как пробираться за другом, чтобы молча постоять в стайке стреляющих глазами москвичек или юных провинциалок, приехавших на фестиваль покорять мир.

Фестивальные дни пролетели быстро, как утренний сон, оставив в душе ощущение праздника и собственной значимости. С этим чувством и приехали друзья в часть. Все выпускники учебной роты уже были направлены по новому месту службы. Теперь дошла очередь до артистов – так запросто их окрестил сопровождавший их капитан Хоменко, тоже заметно отдохнувший и повеселевший за время фестиваля. Ещё в поезде он предрекал друзьям легкую службу в музыкальной роте.

– Наверняка предложат. Вы молодцы, а я рекомендацию дам. Там и строевой нет, и жизнь веселее. Уж не знаю, как Александр, а тебе, Гейдар, прямая дорога в ансамбль песни и пляски Советской армии. Так что в Москве ты будешь бывать чаще, чем у себя на родине, если вообще туда будет время съездить, – разглагольствовал капитан, не обращая внимания на помрачневшего Гейдара.

– Это не для меня, я не могу мать бросить, – потупившись, ответил Гейдар.

– Чудак человек, что ты, так и будешь за мамкин подол держаться? – не унимался капитан.

– Товарищ капитан, по их горским законам нельзя родителей бросать, – вступился за друга Сашка. – Я понял, что для горцев соблюдение своих законов превыше всего.

– Да, в Чечне нет ничего важнее адата – свода законов наших предков. Отец, вернее, отчим у меня был не чеченец – черкес, к тому же коммунист. Адата он не придерживался, но уважение к старшим и забота о родителях – разве это не общий закон для всех людей?

– А отец что, матери не опора?

– Он погиб в прошлом году. Мать одна осталась. – Заметив вопросительный взгляд капитана, добавил: – Он был инвалидом войны. Потом директором школы. Погиб, спасая людей из рейсового автобуса, который сползал в пропасть.

– Так отец у тебя герой, а я думаю, почему тебя из Чечни призвали? Все чеченские новобранцы в армию из Киргизии или Казахстана прибывают. Значит, не всех Сталин депортировал. Слышал, Хрущёв издал указ о возвращении депортированных народов, списав депортацию на перегибы культа личности?

– Не слышал, – ответил Гейдар без всяких эмоций. – У нас никого не сослали, так как и родни ни у матери, ни у отца практически не осталось.

– А что так? Кавказец без родни – что стул без ножки.

– У матери всё село оползнем с гор снесло, а у отца самые близкие погибли на войне, а остальные далеко. Поэтому мне не на кого мать бросить. Да и что об этом говорить, кто нас в Москве видел, чтобы в ансамбль приглашать?

– Как знать, как знать, но моё мнение, что танцор ты от бога. Не зарывай талант в землю. В армии не получится – на гражданке иди в ансамбль, радуй людей своим талантом.

Уже в части выяснилось, что чутьё капитана не подвело. Действительно, на Гейдара пришло предписание направить его служить в музыкальную роту в Подмоскowie.

– Ты, Уламов, просто нарасхват, – сказал командир части. – То запрос пришёл на шофёра первого класса. Посмотрели, а, кроме тебя, у нас никого нет. Теперь вот в музыкальную часть требуют. Просто незаменимый человек. А сам-то ты чего хочешь?

– Готов служить Советскому Союзу, где прикажут, но хочу быть водителем. После армии буду поступать в автодорожный институт.

– Вот тут ты, солдат, прав, – поддержал его командир, – мужское решение. Зачем мужику по сцене перед публикой скакать? Он рождается на свет для серьёзного дела. Но вот что мне с приказом о музроте делать?

– А вы пошлите Сергеева. Он хороший музыкант. Может в духовом оркестре ударником быть.

– Точно, пошлю его, а спросят, почему не танцора прислал, – скажу, что ты ногу травмировал, а там уж и забудется.

Сашка был в полном восторге от направления в музроту.

– Ну, Гейдарка, я твой вечный должник. Это ты у нас на все руки мастер, а я ни кем, кроме музыканта, быть не хочу. Жаль с тобой расставаться, правильный ты парень. Таких друзей поискать, но земля круглая, может, когда и встретимся. – И, сунув в руки друга бумажку со своим московским адресом, побежал собирать вещмешок.

Глава 2. Первая любовь

Гейдара направили служить в соседнюю часть, в которой недавно появился новый командир – полковник Воронов, которому был нужен личный водитель. Поговаривали, что полковник до этого служил за границей в Венгрии и принимал участие в подавлении венгерского восстания, вспыхнувшего вскоре после двадцатого съезда. Ходили слухи, что полковник, отличившийся в этих военных действиях, уже шёл на повышение и должен был получить очередное звание, но что-то пошло не так. Его отозвали из Венгрии и отправили служить в Горьковский военный округ.

Часть стояла в красивом лесу, отгороженная от мира кирпичным забором, за которым располагались две пятиэтажные казармы, выкрашенные в унылый серый цвет, двухэтажный дом для семей офицеров, солдатская столовая, клуб, хозяйственные постройки, ангары для военной техники и большой плац для строевой подготовки. Территория части была просторной и чистой, но удивительно неуютной. «Пустынно, как у нас в селе, только вместо гор лес вокруг», – подумал Гейдар, пересекая двор части и направляясь в сопровождении дежурного на приём к полковнику. Полковник – светловолосый подтянутый человек со шрамом от ожога на правой скуле – встретил Гейдара строго и сдержанно:

– Доложи, кто и откуда, какой водительский стаж и хорошо ли знаешь машину?

– Рядовой Уламов из села Боевое, из-под Грозного, чеченец, окончил среднюю школу в 1956 году. Опыт вождения четыре года, из них восемь месяцев имею права водителя первого класса. Машину типа ГАЗ знаю хорошо, могу сам отремонтировать, – по-военному отработал Гейдар.

– Почему в документах национальность – черкес?

– Национальность записана по отчиму Уламову, но мать и отец у меня чеченцы.

– Что, отчим заставил записаться черкесом?

– Нет, он не заставлял. Так они с матерью решили, мне же было всё равно.

– Почему теперь не всё равно?

– Не хочу предавать память предков.

– Так, понятно. Теперь второй вопрос. Откуда у тебя, вчерашнего выпускника школы, такой стаж вождения?

– У отчима была машина, и мы её вместе водили. Потом год после школы возил председателя сельсовета.

– Родной отец погиб?

– Да, под оползнем в горах, мне всего месяц был, так что я его не помню. Меня усыновил отчим, он воевал, потерял во время войны ноги и одну руку. Был директором школы в нашем селе. Ему отдали старый ГАЗ, и мы с ним её восстановили.

– Как же он без тебя теперь управляется?

– Он тоже погиб год назад, спасая в горах людей.

По просьбе полковника Гейдар вкратце рассказал, как погиб Руслан.

– Геройский у тебя был отчим. Земля ему пухом, но и ты тоже не робкого десятка, раз, рискуя собой, помог людям. На тебя, похоже, можно положиться. Принимай моего «козла». День даю на техосмотр – и сразу в дорогу. Послезавтра совещание в округе. Поедем, а пока дневальный отведёт тебя в казарму. Размещайся.

Когда Гейдар, лихо развернувшись, стоял уже на пороге, полковник спросил вдогонку:

– Рядовой Уламов, постой, мне докладывали, что ты и на фестивале молодёжи в Москве был, это правда?

– Так точно, – отчеканил Гейдар, – был.

– Вот и славно. На политзанятиях расскажешь бойцам, что там было на фестивале. Ты-то что там делал?

– Танцевал лезгинку, товарищ полковник.

– Понятно, на то ты и кавказец. На ноябрьские праздники станцуешь. Передам завклубом, а пока – на службу. Запомни, лени и разгильдяйства не потерплю. Шагом марш!

Гейдар был приятно удивлён, когда узнал, что его разместили не в общей солдатской казарме, а в небольшой комнате, где стояло всего шесть кроватей.

– Размещайся, – сказал дневальный, – здесь расквартирована хозрота. Живёт писарь, связист, завклубом и два повара, – поведал ему дневальный. – Везёт халявщикам, и тебе, парень, повезло. Мало кто так в армии устраивается. Полковник сказал, что негоже тебе с утра до вечера строевой заниматься. Будешь не высыпаться и, чего доброго, машину разобьёшь.

Вечером, познакомившись с соседями, Гейдар решил, что ему и впрямь повезло. Ребята были хорошие: два новобранца и трое старослужащих. Вначале он коротко рассказал, кто и откуда, а потом ребята представились.

Рыжий солдат с продуманной физиономией – Генка, окончил поварское училище в Ростове-на-Дону и сразу после получения аттестата был призван в армию, где сразу стал зарабатывать профессиональный опыт, работая на кухне поваром.

– Мы с тобой почти земляки, Гейдар, – порадовался рыжий, – Ростов – это ворота Кавказа, так мой батя говорил.

Второй повар, из старослужащих, был ещё на дежурстве.

– Он саратовский. Почти из этих мест. К нему часто невеста ездит, такая же пышка, как и он. Сам увидишь, – поведал о своём начальстве Генка. – Второй дед у нас голова! Его с третьего курса Ленинградского университета призвали. Всю жизнь на пятёрки учился, а потом на картошке влюбился в медсестру и вот теперь здесь связью занимается.

– На какой картошке? – удивился Гейдар.

– Ну ты даёшь! Ты что, не знаешь, как студентов в село посылают? Мы во время учёбы в бурсе (так мы наше училище называли) помидоры осенью собирать ездили, а питерские студенты собирают основной российский продукт – картошку. Однако оказалось, что любовь не картошка: девчонка залетела, надо было жениться, а он в армию прыгнул. Хотя парень нормальный. Деда вообще у нас интеллигентные, не дерутся. Ну а если другие полезут – мы с пацанами отметелим. Замётано? – подмигнул рыжий поварёнок Гейдару.

– Конечно.

Писарем был очередной студент – недоучка Борис из Киева.

– Выгнали меня с филологического. Пар нахватал, – поведал горе-филолог, поправляя очки.

– Нахватаешь тут, – не дал ему досказать поварёнок, – прикинь, земля, у них на курсе на одного студента был взвод девчонок, и все киевлянки. От такого у любого крыша съедет, не только у нашего очкарика. Вот бы нам хоть бы с десятка.

– Что ты с ними делать бы стал? – поинтересовался развалившийся на кровати завклубом.

– Я бы нашёл, что делать, поверь мне. У меня этих баб было видимо-невидимо. У нас в училище тоже женский монастырь. Контингент, я вам скажу! Не киевлянки, но тоже очень даже ничего. И все с сиськами...

– Ну вот, кто о чём, а вшивый о бане, – перебил его завклубом. – Не слушай его, Гейдар, он нам тут все уши этими сиськами оттоптал, а сам, поди, только у мамки своей и видел, и то, когда в пелёнки гадил.

Рыжий поварёнок сердито засопел, а Гейдар подумал, что завклубом, похоже, особой добротой не отличается, хотя с виду был вполне приятный парень. Высокий, широкоплечий, с большими голубыми глазами, с какой-то особой мужской силой в движениях, отчего казался значительно старше остальных, хотя служил всего второй год.

– А ты откуда? – спросил у него Гейдар, чтобы как-то разрядить обстановку.

– Я сибиряк – из Томска. Есть такой славный город на Оби.

– Туда декабристов ссылали, – пояснил Генка, – а этого, наоборот, в Россию выслали, чтобы неповадно было чужих жён отбивать.

– Так, замяли для ясности, – оборвал его Игорь (так звали томича). – Я, по-моему, не давал разрешения трепать про мои дела каждому встречному-поперечному. Слушай мою команду: перекурить, оправиться и на боковую, – скомандовал он и направился в коридор к умывальнику.

– Он у нас старший по хозроте, – пояснил Боря и, взяв полотенце, двинулся вслед за Игорем.

Гейдар перед сном размышлял: «Удивительно, как много русские парни говорят о женщинах. У нас на Кавказе мужчина не может себе позволить говорить на такие темы. Не то чтобы запрещено – просто не принято. Есть матери, жёны, сёстры. Говорить о них – всё равно что пускать чужих в свой дом. А о ком ещё говорить? Кругом соседи и родня. Болтать о них вообще невозможно. Да и зачем?»

Весь следующий день он проводил техосмотр машины. Машина была знакомая. Он на такой возил Гаджиева, только эта была последней модели. Гейдар с удовольствием возился с «козлом», так в просторечии звали эту неприхотливую и пригодную для всех дорог машину. Долго налаживал мотор, но добился, что он стал меньше стучать, а из выхлопной трубы перестал валить чёрный дым. Прочистил всё нутро мотора и салон, покрасил колёса. Работы было много. Даже после ужина Гейдар вернулся к машине и до полной темноты подкрашивал её кузов найденной в гараже тёмно-зелёной краской, а белой подвёл ободья колёс.

Когда он вернулся, все соседи спали, и только связист из Питера, которого Гейдар видел мельком утром, пристроившись под неяркой, стоящей на столе лампой, что-то читал.

– Ты где был? – спросил он, увидев, как Гейдар тихонько пробирается к своему месту.

– Проводил техосмотр машины, – шёпотом ответил Гейдар.

– А чего так долго? – удивился связист.

– Завтра ехать, а машина была не в порядке.

– Запомни заповедь солдата, – сказал связист, опять утыкаясь в книгу, – «Солдат спит, а служба идёт», а ты решил все дела за день переделать, а что потом?

– Ты же тоже вот не спишь, – ответил Гейдар.

– Я читаю для себя, чтобы не отстать, а ты служишь. Это две большие разницы. Ладно, потом поймёшь, салага ещё. Ложись спать.

Утром Гейдар, сидя за рулём начищенной машины, поданной к подъезду штабного корпуса, ждал от полковника хотя бы слово похвалы за то, что машина сияла как новенькая, но полковник вышел хмурый и всю дорогу до города молчал, глядя перед собой на расступающуюся перед машиной дорогу. Дорога шла лесом, который подходил прямо к самой её обочине, отчего казалось, что машина идёт в освещённом бесконечном туннеле. На дворе стояла вторая половина августа, и потемневшая за лето листва уже заметно пожухла, отчего лес стал прозрачнее. Кое-где за разрывами деревьев мелькала река, скрытая от дороги лесом. Гейдар помнил, как потрясла его Волга, когда он её в первый раз увидел, и радовался тому, что скоро опять испытает восторг от встречи с этой удивительной рекой. Однако эта встреча откладывалась, так как руководство округа разместились довольно далеко от Волги, и, поплутав по узким улочкам окраины Горького, они вынырнули у порога штаба, который стоял практически на окраине города.

– Не отлучаться, не спать и в посторонние разговоры не вступать, – дал команду полковник, выходя из машины.

– Так точно, – отчеканил Гейдар, не выдавая разочарования о том, что рассчитывал во время совещания добраться до волжских берегов.

Потянулись часы ожидания. Он и раньше не любил ждать под стенами учреждения и тогда, когда возил в город на совещания отца, а потом Гаджиева. «Началось, – думал Гейдар беззлобно, – надо чем-то себя занимать». Чаще всего он занимал себя чтением технической литературы по автомобилям или выходил из машины и копался с двигателем. Сейчас боялся даже покинуть машину. Вдруг командир выйдет, и надо будет ехать, а у него что-то не в порядке. Отец или Гаджиев, застав его за мелким ремонтом машины, не сердились, а, сказав: «Давай закругляйся», спокойно дожидались, когда можно будет ехать. «Здесь же армия, вдруг замешкаюсь, получу нагоняй». И Гейдар остался в машине, только опустил боковое стекло. Оттуда спокойно наблюдал, как водители других воинских начальников, собравшись вместе, что-то горячо обсуждали. Через некоторое время один из них, чья машина стояла рядом, за чем-то вернулся в свою машину и, заметив Гейдара, сидевшего в машине, удивился:

– Привет, джигит, ты чего в машине паришься? Давай выходи, присоединяйся.

– Да нет, посижу, – ответил Гейдар, – вдруг полковник выйдет.

– Ну, если твой выйдет, то и наши выйдут, не опоздаешь, тем более мы всегда знаем, что совещание закончилось.

– Как? – удивился Гейдар.

– Просто всё. Окно в курилке открывается, а оно выходит на эту сторону. Видишь, то второе слева на втором этаже. Так что пока начальство успеет спуститься вниз, мы уже за баранками сидим.

Гейдара позабавила такая наблюдательность водителей, но он решил не торопить события.

– Зря не идёшь, у нас тут любые новости можно узнать – от замыслов империалистов до информации о любовницах наших командиров.

– Потом как-нибудь, – ответил неохочий до сплетен Гейдар.

– Ну и ладно, не хочешь – как хочешь. Салага, что ли?

– Да.

– А с виду не похож. Правда, кто вас – грузин разберёт.

Гейдару в очередной раз не хотелось разьяснять, что, кроме грузин, на Кавказе более сотни народностей, каждая из которых считает себя совершенно самостоятельным народом. Когда командир сел в машину, Гейдар сразу заметил, что настроение у него значительно улучшилось. Строгая вертикальная морщина на лбу разгладилась, уголки губ поднялись, и вообще лицо этого сорокалетнего человека приобрело какой-то мальчишеский вид.

– Поехали, солдат! Как тебя зовут? Напомни мне, забыл, – сказал он, повернув к Гейдару своё помолодевшее лицо.

– Гейдар, товарищ полковник.

– Ах да, Гейдар. Красивое имя, почти Гайдар. Так легко запомнить.

– Меня раненые звали Гайдар, вернее, Гайдарчик.

– Какие раненые?

– Во время войны в нашей школе госпиталь был, там мама работала, а я всё время в госпитале болтался.

– Я думаю, почему ты так хорошо по-русски говоришь, почти без акцента, а ты, оказывается, вырос среди русских.

– Да и мой первый отчим – Степан Иванович – был русским. Он умер, когда мне шёл шестой год. Я русский язык одновременно с чеченским выучил. Мама со мной по-чеченски говорила, а все остальные на русском, так что не поймёшь, какой у меня родной язык, – разоткровенничался Гейдар, почувствовав расположение командира.

– Говорят, родной язык тот, на котором ты думаешь, – сказал полковник.

– Я чаще всего думаю на русском. Мать с отцом говорили на русском. Он был черкес, она чеченка, и языки у них разные. В русской школе учился.

– А что, чеченских не было?

– Нет, не было. Село наше многонациональное. Живут и осетины, и дагестанцы, и чеченцы, и другие кавказские народы, есть и русские.

– Но чеченцев-то больше?

– Было больше, но потом почти всех выселили.

– Ну ничего, скоро начнут возвращаться.

– Я слышал, но думаю, что школы всё равно должны быть русские с изучением национального языка. Как без русского? Даже на Кавказе пропадёшь, не то что в России.

– Серьёзный вывод для такого молодого человека.

– Это отец так говорил.

– Какой из них? Я понял, у тебя было три отца.

– Конечно, последний. Он был директором школы. Он мне был и отец, и друг. Я его очень любил.

После некоторой паузы полковник опять заговорил:

– Да, много перемен в жизнь нашей страны внёс двадцатый съезд. С одной стороны, людей, безвинно пострадавших, реабилитировали, народы депортированные начали домой возвращать – это хорошо. Но армию сокращать зачем? Страна огромная, и кругом враг.

– А как же социалистический лагерь? – удивился Гейдар.

– Запомни, солдат, не может быть прочного союза между победителем и побеждённым.

Пока есть армия, у России будут друзья, как только ослабнем – эти друзья в злейших врагов превратятся. Как говорил один из наших царей: «У России есть только два союзника: армия и флот». Вот взять ваш Кавказ. Народы, которые добровольно вошли в состав России, те сражались вместе с нею на войне отважно. Кого силой присоединили, как чеченцев, – в спину стреляли, когда немец стал к Кавказу подходить. Ты уж на меня не обижайся, да и не только на меня, многие тебе это высказывать будут. Наш народ и раньше особой деликатностью не отличался, ну а уж после войны и говорить не приходится. Так что терпи и не заедайся.

Остаток дороги проехали молча. Гейдар досадовал на себя за то, что зря стал афишировать свои чеченские корни. Там, в Боевом, он никогда не задумывался над тем, кто он по национальности, да и никто особо не спрашивал. Все кавказцы, и всё тут. Мать мало говорила о родне и прежней жизни. Никогда и никто не выделял чеченцев среди остальных жителей села. Обижался он только тогда, когда кто-нибудь из его сверстников, позавидовав или в драке, кричал ему, что их семья тут безродная, а сам он неизвестно чей сын, но и это бывало редко. Спасало высокое (по сельским понятиям) положение отчима. Когда они в школе изучали Лермонтова и Толстого, писавших про Кавказ, относились к ним, как к своим национальным писателям, которые, как говорила их учительница по русскому языку, рассказали миру о Кавказе и его народах – честно и с любовью. Слова из поэмы Лермонтова о злом чеченце, который с кинжалом ползёт на берег, никак не относили на свой счёт, полагаясь на разъяснения учительницы о том, что у любого народа есть сознательные и несознательные граждане. Вот, например, белые и красные часто были одной национальности, а уничтожали друг друга.

– Только победа пролетариата во всём мире, – говорила Раиса Александровна, – уничтожит всякие различия между народами и объединит всех единую семью, и в этой жизни не будет места ни злему чеченцу, ни махновцам, ни озверевшим бандам Мамонтова, которые вырезали пятиконечные звёзды на спинах красноармейцев.

Уже на подъезде к части полковник, заметив расстроенный вид Гейдара, сказал:

– А ты молодец. Хорошо водишь и с машиной управляешься. Я её, когда утром увидел, просто не узнал, как новая. Так держать!

– Служу Советскому Союзу, – ответил повеселевший Гейдар.

– Единственное предупреждаю, – строго сказал полковник, – о том, что услышишь от меня или кого другого, в полку не болтай. Служба у тебя такая – с начальством общаться и с остальным миром. Для того чтобы на ней удержаться, язык надо за зубами держать.

Когда вечером перед отбоем собрались все жители в их комнате, рыжий Генка спросил:

– Ну, чего нового узнал?

Гейдар спокойно ответил:

– Да ничего особенного.

– Ну вот, ждали, ждали, думали, новости с воли привезёшь, а ты – «ничего особенного». Прошлый водитель полковника всё нам рассказывал, мы его как бога вечером встречали.

– А где он теперь? – поинтересовался Гейдар.

– Отправили куда-то, – ответил за рыжего завклубом. – Правильно делаешь, что не треплешься. Болтун – находка для шпиона. Отбой!

Август догорал, и это ощущалось особенно вечером. Гейдар, никогда не живший на севере, удивлялся, что ещё в этом не самом северном районе России такой прохладный август. Часто шли дожди, а ночью без одеяла спать было невозможно.

Как-то в последние дни августа полковник сказал перед отбоем:

– Завтра доведи машину до полного блеска. Послезавтра жена с дочкой с югов возвращаются, поедem встречать.

По дороге в город полковник, наскучавшийся без семьи, разоткровенничался:

– С женой мне повезло. Умница, интересная женщина, педагог по образованию. Мы с нею поженились в тридцать девятом в Москве, когда я оканчивал военное, а она педагогическое училище. Обоим по двадцать одному году, вся жизнь впереди. Она москвичка, я из Самары, то есть Куйбышева. Познакомились на вечере дружбы нашего и их училища. А с кем было ещё дружить? У них одни девчонки, у нас ребята. Многие из нас на будущих учительницах женились. Это гражданские могут перебирать – сегодня одна, а завтра другая, а нам, военным, не до выбора. Понравилась – тащи в загс, а то другого случая ждать будешь долго. Где вот сейчас у нас, в этой глухомани, молодому лейтенанту жену искать? Я буквально на первом же вечере присмотрел самую симпатичную девчонку. Парень я был не робкого десятка, пригласил танцевать. Разговорились, понравилась, пошёл провожать. Полез целоваться – она меня по мордасам и бежать. Я на следующий день взял увольнительную и с цветами к их дому. Спросил у старушек, что у дома сидели, где живёт девушка Света, описал как мог. Точно чекистки указали. Звоню в дверь, открывает мать, за нею головка Светкина выглядывает. Я отрапортовал – такой-то, такой-то, цветы протягиваю, говорю: «Прошу руки вашей дочери!» Тёща у меня насмешливая такая, спрашивает, обращаясь к Светке: «Что за лихой гусар? Почему не знаем?»

Та смеётся и говорит, что только вчера познакомились. «И что же, прямо в загс? Хоть бы нас предупредила». Да я, говорит, сама ничего не знала. Ну, посмеялись, потом посидели, водочки с будущим тестем выпили. Он у них учёный большой был. Решили, что надо нам посмотреть друг на друга, а потом жениться, тем более, что наверняка меня куда-нибудь направят, и прощай Светкина московская прописка. А уж как встречаться стали, то прилипли друг к другу намертво, и на прописку наплевала, уехала со мной, и так и скитаемся вместе по миру. Только в войну, пока я воевал, с родителями в эвакуации в Куйбышеве жила. Мои их приютили, и очень они дружно прожили это время, тем более надо было дочку нянчить. Маринка у нас перед самой войной родилась. Девчонка – прелесть. Сам увидишь. Собирается в Москве учиться в Бауманском институте, где её дед преподаёт. Она у нас одна, и расставаться с нею не хотели. Она с нами, переезжая с места на место, несколько школ и сменила. Дед с бабушкой предлагали в Москве учиться, но мы решили, что без неё жизни нет. Она нас тоже очень любит. Год остался с нею вместе пожить. Ну а там видно будет. Была надежда в Москве служить, да не сложилось... – сказал полковник и заметно погрустнел.

Стоя на перроне и глядя на проплывающие мимо вагоны, Гейдар поймал себя на том, что волнуется, как будто пришёл встречать своих родственников, а не родню начальства. Когда в окне седьмого он увидел улыбающееся лицо молоденькой белобрысой девчонки, он сразу понял: «Это она». Когда Марина, в майке и шароварах, выпорхнула из вагона и прижалась к отцу, Гейдар убедился: «Действительно прелесть». Была она высокая, тоненькая, загорелая, с выцветшими на южном солнце волосами, сплетёнными в две косички, и с миловидным личиком. Было в командирской дочке что-то нездешнее, отличавшее её от остальных девушек. «Где такие беленькие водятся?» – удивился Гейдар, не имея сил оторвать взгляд от этого милого создания. Пока шли до машины, а потом ехали в часть, мать с дочерью наперебой рассказывали отцу о южных впечатлениях, о Москве и оставшейся там родне. Щebetала в основном жена командира – маленькая круглая женщина в соломенной шляпке, а дочка дополняла рассказ матери остроумными репликами и комментариями. Разговоры были достаточно открытыми, и Гейдару неловко было от мысли, что они совсем не стесняются его присутствия. Его как будто не было с ними рядом. За всю дорогу он ни разу не поймал на себе даже мимолётного взгляда Марины. Это задело его, и он вспомнил Сашкину присказку: «Курица не птица, солдат не человек». Его заметили только тогда, когда он, поставив чемоданы под вешалкой командирской квартиры, обратился к полковнику:

– Разрешите идти?

– Да, забыл представить, – спохватился командир, – мой водитель Гейдар.

– Вы с Кавказа? – любезно поинтересовалась его жена.

– Так точно, – отчеканил Гейдар, заметив, как дочка скользнула по нему равнодушным взглядом.

– То-то, я смотрю – усы, – сказала мать без всякого выражения и тут же, отвернувшись от Гейдара, заговорила о другом.

– Иди, Гейдар. Проверь ещё раз машину. Завтра утром едем в город, – отпустил солдата командир.

Весь остаток дня Гейдар пребывал в каком-то томительном ожидании. Непрерывно поглядывая из открытых ворот гаража на дом, в котором жил командир, он хотел опять увидеть эту беленькую, так поразившую его девушку. «Это, наверное, потому, что у нас на Кавказе таких нет, вот и хочется ещё раз взглянуть», – успокаивал он себя. Однако ни во дворе, ни в окнах командирской квартиры Марина так и не показалась. Вечером на обычный вопрос соседей, скупавших за забором части, был ли он в городе, Гейдар неожиданно для себя ответил:

– Был, встречал семью командира.

– Говорят, у него дочка есть? – оживился Генка.

– Есть, да не про нашу честь, – отозвался со своего места Игорь. – Они перед самым летом из Венгрии приехали и сразу укатили на юг. Я её пару раз видел. Соплячка ещё, а уже с гонором, хотя и ничего особенного.

– Что, правда? – повернул к Гейдару конопатое лицо Генка.

– Нормальная девчонка, – ответил Гейдар и вдруг понял, что покраснел. – В десятый класс пойдёт, командир говорил.

– Белобрысая и на отца похожая. Мне такие не нравятся, – настаивал Игорь. – Женщина должна быть яркой и весёлой.

– Как жена лейтенанта Сомова, – раздался голос писаря Борьки.

– А хотя бы такая, – ответил с вызовом завклубом, – что, жаба давит?

– Да нет, просто думаю, что тебе неймётся? Хочешь, чтобы назад в Сибирь сослали?

– Не суй свой нос в чужой вопрос, – ответил Игорь с кровати и сердито отвернулся к стене.

Гейдар, никогда не прислушивавшийся к болтовне соседей, понял, однако, о чём идёт речь, так как сам был свидетелем тёплых отношений Игоря с красивой, яркой женой лейте-

нанта Сомова. Однажды ему пришлось возить Игоря в город за новым кинофильмом для солдатского клуба. С ними напросилась офицерская жена, которой тоже надо было в город. Всю дорогу в город они болтали как равные, и из этой болтовни Гейдар узнал, что Игорь учился в театральном училище и уже играл эпизодические роли на местной сцене.

– Так ведь у вас была бронь до окончания учёбы? – удивлялась Мила (так звали попутчицу).

– Была, но ничто не вечно под луной, – загадочно отвечал Игорь бархатным голосом.

– Что, провинились? – не унималась Мила.

– Да. На какие жертвы не пойдёшь ради прекрасных дам? – кокетничал Игорь, подогревая интерес соседки.

– Ой, как интересно, расскажите, очень люблю романтические истории.

– Увы! Это не только моя тайна, а чужие секреты я не выдаю, – томно отвечал Игорь, после чего их беседа перешла на обсуждение последних кинофильмов.

Когда приехали в город, Игорь, воспользовавшись отсутствием Милы, которая забежала в магазин за какой-то мелочью, попросил Гейдара:

– Слышь, друг, одолжи десятку до зарплаты и подожди нас вон у того кафе. – Увидев удивлённый взгляд Гейдара, добавил: – Надо к даме внимание проявить, настроение поднять. А хорошее настроение жены – это хорошее настроение командира, правильно я говорю?

– Но ведь нам надо в часть возвращаться, – вместо ответа сказал Гейдар.

– Рядовой Уламов, выполнять приказания старшего по званию, – весело ответил завклубом. – Не жмись, давай десятку. В части скажем, что фильм долго не давали, да и много ли на две наши десятки насидишь в кафе? – сказал он, уже слезая с подножки машины.

Однако они с Милой пробыли в кафе не меньше часа. Пришли к машине какие-то притихшие и, забравшись на заднее сиденье, разговаривали мало и едва слышно. Уже на подъезде к части Гейдар в зеркало заднего вида заметил, как рука ефрейтора гладит голое колено соседки. «Сашка номер два, только зачем чужих жён трогает?» – подумал Гейдар, но болтать об увиденном не стал. Видимо, отношения Игоря с Милой получили развитие, раз об этом уже заговорили вслух. Закрыв глаза, Гейдар вдруг подумал о том, что неужели и он мог бы вот так же, сидя в машине, погладить колено Марины? От этой мысли его тело вдруг налилось какой-то ранее неизведанной истомой и желание наполнило его так, что он едва не застонал. Когда малышом, лёжа в кровати, он стал замечать, что его хвостик вдруг надувается и встаёт, он с гордостью говорил матери:

– Смотри какой!

– Не смей трогать, – отвечала мать строго, отчего хвостик тут же опускался.

Теперь он стоял, мешая спать. Нет, конечно, Гейдар уже знал, что с ним происходит. Живя в селе, он не раз видел, как совокупляются животные. Как-то раз, когда они с отцом стали свидетелями, как их кобель обхаживал соседскую сучку, отец сказал:

– Не торопись с этим делом. Встал – встань и ты и бегом вокруг школы или дрова поруби, всё и пройдёт.

Гейдар покраснел и сразу понял, о чём идёт речь, и с тех пор всегда так делал, но там, дома, всё это происходило самопроизвольно и в основном со сна. Теперь желание возникло от одной только мысли о девчонке. Это было странно и неожиданно. «И куда было бежать здесь, в части? Побегу вокруг казармы – меня примут за шпиона и пристрелят», – подумал Гейдар и, улыбнувшись этой дурацкой мысли, успокоился и уснул. Наутро, после зарядки и пробежки, которую хозрота выполняла вместе со взводом, к которому они были приписаны, Гейдар со рвением принялся в очередной раз чистить машину, ругая себя в душе за вчерашнюю слабость. «Она девчонка совсем, а мне такие глупости в голову лезут. Наслушался в казарме, вот и разбирает», – ругал он себя. К десяти часам, как и было договорено с командиром, он подал машину к подъезду его дома.

Офицерский дом стоял на небольшом пригорке, отчего площадка подъезда выглядела как сцена с небольшой лесенкой. Гейдар старался не глядеть в сторону подъезда, и скорее почувствовал, чем увидел, что на крыльцо выпорхнуло какое-то необыкновенное создание, отчего сердце, которое он никогда раньше не чувствовал, кольнуло в груди и укатилось куда-то вниз. На крыльце стояла Марина, которую трудно было узнать после того дорожного наряда, в который она была одета вчера. Гейдар, как и большинство мужчин, вряд ли мог бы описать её наряд, но понял, что выглядит она совершенно необыкновенно. Белая кофточка с маленькими рукавчиками ловко обхватывала её узкие плечики и торчащие вперёд острые грудки. Какая-то необыкновенно широкая, стоящая колоколом юбка была подпоясана широким чёрным лаковым ремнём, который подчеркивал узкую девичью талию. Длинные волосы были забраны в высоко завязанный хвост, отчего в глаза бросалась высокая шейка, державшая на себе аккуратную гордую головку с низкой, нависающей на глаза чёлкой. «Даже в Москве такие девчонки редкость», – подумал Гейдар, но не подал виду, что увидел командирскую дочку, надеясь, что и она не видит его через стёкла машины. Маринка действительно вела себя так, как будто никого вокруг не было: поправляла юбку и застёжку на ремешке, поглядывала на своё отражение в стеклянную входную дверь. А Гейдар всё смотрел и смотрел на неё не отрываясь. «Что ты, девчонок не видел?» – укорял он себя. Ведь в Москве вились вокруг стаями, и не замечал. В школе часто ловил на себе взгляды одноклассниц – и ничего, а тут просто дух перехватывало от одного вида этой молоденькой девчонки, которая, похоже, в упор его не замечала. Вскоре на крыльцо выкатилась круглая фигура командирской жены, которая заторопилась к машине, что-то выговаривая дочери.

– Не крутись, кругом солдаты, которые давно девушек не видели, – донеслись до Гейдара слова матери.

– Ну и что, – ответила та, уже садясь в машину. – Съедят, что ли?

– Съесть не съедят, а вот не сдержаться могут. Я давно по гарнизонам живу, всякое случилось, – ворчала она, забираясь по ступенькам машины.

– А у меня охранник есть, – задорно отпарировала Марина.

– Какой ещё охранник? – удивилась мать.

– Самый настоящий, джигит, как у царевен в старые времена. Я читала, что царская охрана чаще всего состояла из черкесов и осетин – воинов смелых, сильных и преданных.

– Что ты мелешь? Какой джигит? – удивилась мать, усаживаясь рядом с Гейдаром на переднее сиденье. – Я впереди сяду, меня укачивает сзади. – И вдруг, как будто прозрев, повернулась к Гейдару: – Похоже, это она вас в охранники записала.

– Да, его. А вы что, не согласны, Гейдар?

– Почему не согласен, – выдавил из себя Гейдар, поражённый тем, что девчонка его не только заметила, но и запомнила его имя.

– Вот и хорошо, а теперь поехали, – сказала юная путешница.

– А товарищ командир не едет?

– Нет, он приказал одним отправляться под вашей охраной, – твёрдо сказала Маринка.

– По уставу команды выполняются только отданные лично командиром или старшим по званию, – ответил ей Гейдар, не трогая ключ зажигания.

– Правильно, солдат. Это она вас на пушку берёт. Выросла в гарнизоне, устав знает, – усмехнулась мать. – Не пойму, что это на тебя сегодня нашло? – повернула она к дочери широкое лицо с накрашенными губами.

В это время на крыльце появился командир и, подойдя к кабине, отдал Гейдару приказ – отправляться в город без него и присматривать за вверенным ему личным составом.

– Ну вот, а вы мне не поверили, – засмеялась Маринка, когда машина тронулась. – Получается, я и есть старший по званию.

Гейдар настроился на весёлую дорогу, но после этих слов Маринка замолчала, а всю дорогу говорила мать, обсуждая с дочерью, какую школу надо выбрать: ту, которая на въезде в город в рабочем районе, или ту, которая в центре. Последнюю нахваливал бывший командир части, у которого в Горьком учился сын. Решили осмотреть обе и выбрать лучшую, поговорив с директором или завучем. В результате объехали несколько школ, и каждый раз, когда мать с дочкой выходили из машины и направлялись к дверям школы, Гейдар как зачарованный смотрел им вслед, любуясь лёгкой походкой Марины, её стройными ножками под колоколом юбки. «Интересно, мог бы я обхватить её талию пальцами рук?» – подумал он, и от этой мысли голова просто закружилась, и опять подступило желание, которое пришлось успокаивать пробежкой по школьному двору. «По-моему, я начинаю сходить с ума. И все эти дурацкие разговоры ребят», – злился Гейдар. Действительно, в последнее время разговоры о женщинах вытеснили из их комнаты все остальные. Те, кто постарше и посмелее рассказывали о своих победах, иногда даже с подробностями, которые болезненно волновали и от которых хотелось бежать. Молодые и неопытные тоже старались не отстать, рассказывая небылицы о своих похождениях. Молчали только Игорь и Гейдар.

Вечером, когда они вернулись из города, выбрав наконец-то подходящую школу, в комнате опять завели обычный разговор о женщинах.

– Товарищ ефрейтор, что же ты не поделишься опытом с народом? Тебе ведь есть что рассказать? – задирает Генка Игоря.

– У меня всё в порядке. Это у вас сперма скоро из ушей польётся.

– Что, с Милочкой потешился? – не отставал Рыжий.

– Даже если бы и потешился, трепаться бы не стал.

– Нет, ты всё же скажи, у этой Милочки и на этом месте волосы рыжие?

– Ты чего, себе родню ищешь? – огрызнулся Игорь. – Возьми, да и поинтересуйся.

– Как же поинтересуешься – вмиг на губу улетишь.

– Слушай, Рыжий, а чего ты свои интересы с официантками из столовой не справляешь?

Это мы женщин не видим, а ты всё время с ними, – встрял в разговор связист.

– Да они ему просто не дают, он вокруг них, как кот вокруг сала, вьётся, а они его гонят, – рассмеялся старший повар Вася.

– Даже Катька? – удивился Борис.

– Катька в последнее время влюблена и никого, кроме нашего джигита, не хочет, – сердито сказал Генка. – Слышь, Гейдар? Наша Катька от тебя без ума и всё просит познакомиться с нею.

– Какая Катька? – удивился Гейдар.

– Да знаешь, такая крашенная, сиськи – во! – широко развёл руками Генка. – Говорят, раньше только ленивый с нею не был, а теперь никого к себе не подпускает. Всё ко мне пристаёт: познакомь да познакомь.

Гейдар, как ни силился, не мог вспомнить ни одну официантку из тех, которые обслуживали их в столовой.

– Зачем ему Катька, когда у него теперь такая краля есть, – неожиданно встрял в разговор завклубом. – Я её сегодня из окна клуба разглядел. Вертелась на крыльце. Совсем за лето из соплячки в красотку превратилась. Вот что такое южное солнце.

Услышав эти слова, Гейдар даже сжался – так точно попал в цель Игорь.

– Одета, как эта аргентинская актриса из фильма «Моё любимое танго». Видели? Нет? Надо будет ленту привезти. Юбка колокол, талия рюмочкой, конский хвост и чёлка как у скаковой кобылы. Видимо, в Венгрии шмотки подцепила, они там несколько лет прожили. Так что, джигит, не теряйся.

Гейдар буркнул что-то невнятное и вышел из комнаты, чтобы скрыть заалевшие скулы. В последние три дня перед школой он Марину не видел и даже немного успокоился. Первого

сентября, увидев её на крыльце в школьной форме и белом фартуке, с косами, завязанными в корзинку, он удивился, так не похожа была эта школьница на ту красотку, которую он возил по городу три дня назад.

Вышедший за нею следом командир приказал доставить дочь и ещё трёх школьников в школу, предварительно заехав на базар за цветами.

– Супруга поехать не может, так как больше места в машине нет. Так что уж вы там сами купите всем по букету. Вот деньги. Маринка, сможешь купить всем ребятам цветы? – обратился он к дочери.

– Почему я? У нас Гейдар есть. Пусть он покупает. Это его дело – девушкам цветы дарить.

– Не волнуйтесь, товарищ командир, купим, – заверил Гейдар, подумав про себя, что покупать цветы раньше ему не приходилось.

В их селе цветов было не купить. Нет на Кавказе такого обычая выращивать цветы у себя под окном. Для огорода хорошей земли не хватает, не до цветов. Однако на базаре, оставив ребят в машине, он ходил по цветочным рядам с видом знатока. Марина молчком бродила за ним. Выбрал он каждому по букету гладиолусов, но, узнав, сколько они стоят, он ужаснулся. Денег, данных командиром и родителями остальных школьников, явно не хватало. И тут Гейдар вспомнил, что у него в кармане лежат деньги, выданные ему ребятами для покупок курева и другой мелочи, а также своё последнее жалование. Ни минуты не колеблясь, он вытащил из кармана эти деньги и расплатился за цветы, поймав на себе удивлённый взгляд Марины.

– Вот это джигит! – усмехнулась она.

– Джигиты девушкам цветов не дарят, – буркнул Гейдар.

– Почему?

– Потому что культа поклонения женщинам у мусульман нет.

– Вот как? Зачем же ты потратил свои деньги на цветы? – ещё больше удивилась Марина.

– Джигит не может себе позволить выглядеть в глазах женщины нищим.

– Надо же, как всё сложно, – сказала она и, забрав свой букет, пошла к машине.

«Да уж, не просто, – двигаясь следом за нею, думал Гейдар, – в должниках джигиту тоже быть нельзя». Возвращаясь в часть, он размышлял, где брать деньги. Решение этой проблемы пришло само. На выезде из города всегда стоял не успевший на пригородный автобус народ.

– По три рубля с каждого до Благодатного, – предложил им Гейдар и, набив машину народом, поехал к селу, которое было расположено между городом и их военным городком.

Хоть и замирала душа всю дорогу при встрече с каждой попутной машиной (вдруг военный патруль проверит), но деньги, которые он задолжал друзьям, были найдены.

– Будешь возить Маринку в школу, когда не будет ничего срочного, – дал распоряжение командир. – В остальные дни она и другие дети будут добираться до городка на автобусе. Здесь в гарнизоне есть только начальная школа.

Потянулись однообразные дни с разъездами по всему округу. Съездить в школу за первую неделю сентября не пришлось ни разу. Даже мельком он ни разу не видел Маринку и отчаянно скучал. И вот в субботу Воронов приказал ехать в город.

– У Марины дополнительные занятия для поступающих в вузы. Ты встреть её, так как в автобусах сейчас давка. Все едут за город, – приказал ему полковник.

Маринка вышла из школы вялая и не в настроении. Это было сразу видно по её унылому лицу и по опущенным плечам. Забравшись на сиденье, она коротко бросила:

– Привет.

Ехали молча. Перед перекрёстком, который вёл в центральную часть города, она приказным голосом сказала:

– Сворачивай в город. – Увидев удивлённый взгляд, добавила: – Хочу по городу побродить. Отцу скажу, что занятия затянулись. Ты что, против?

– Да нет, – пожал плечами Гейдар и повернул руль. – Только бы на патруль не нарваться. У меня увольнительной нет.

– Не волнуйся, я с тобой, – бросила она через плечо и пошла в сторону набережной.

Выйдя на набережную, он сразу забыл и про увольнительную, и про оставленную на улице машину, так прекрасен был открывшийся перед ними вид. Две великие русские реки Волга и Ока сливались у Горького в один поток, открывая неохватный водный простор. Стоя на набережной, расположенной на высоком берегу, казалось, что ты паришь над этим простором и откуда-то с неба любишь речными просторами.

– Ух ты, здорово! – выдохнула Маринка и заметно повеселела. – Так бы подхватиться и полететь.

– В форме не стоит, лучше в той пышной юбке, она будет как парус, – неожиданно пошутил Гейдар.

– А ты, оказывается, шутник, – бросив на него удивлённый взгляд, сказала Маринка. – Тебе что, моя юбка не нравится?

– Почему, нравится, – улыбнулся Гейдар, впервые взглянув в глаза девушки.

Встретившись с ним взглядом, она, похоже, смутилась и сказала первое, что пришло в голову:

– Почему у тебя такие синие глаза?

Здесь уже смутился Гейдар и, чтобы скрыть этот факт, сказал, показывая вниз:

– Ребята говорят, что где-то тут внизу была ночлежка, о которой писал Горький в пьесе «На дне», в другую сторону дом, в котором он жил с дедом. Теперь там музей.

– Вот уж не думала, что горцы Горьким интересуются, – дерзко сказала Маринка, видимо желая подсолить вырвавшуюся у неё фразу про синие глаза.

– А что, нам положено только Лермонтова читать?

– Да нет, на конях скакать. Как-то странно звучит – «джигит-читатель».

После этой фразы настроение у Гейдара испортилось, и всё остальное время прогулки он молчал, думая о том, что его, похоже, считают за дикаря. Вскоре тронулись в обратный путь. Через несколько минут езды Маринка, сидевшая на переднем сиденье, спросила:

– Чего ты молчишь? Обиделся?

– Нет, на женщин у нас не принято обижаться, – дёрнул изогнутой бровью Гейдар.

– Понятно, обиделся. А зря, у тебя такой колоритный вид, что действительно кажется, что живёте вы, кавказцы, совсем не так, как мы.

– Вообще-то я десять классов окончил, а программа у всех в Союзе одна. У меня по русской литературе пятёрка была. Мать у меня горянка и в школе не училась, но и сама читать любит и меня приучила. Отец был директором школы...

– Понятно, – оборвала его Маринка, – это всё из-за усов так кажется. Отец сказал, что только кавказцам разрешают в армии усы носить...

– А в помещении ходить в головном уборе, – закончил за неё Гейдар, – таковы наши обычаи. Мы действительно немного другие.

– Ладно, не обижайся, я просто в плохом настроении. Надоело школы менять. Вот выпускной класс, а я опять в другой школе. Учителя проверяют, знаю ли чего? Девчонки косятся, ребята делают вид, что меня вообще на свете нет. В гарнизоне одни дети, не с кем поговорить. Противно.

Слова «Поговори со мной» так и рвались с губ Гейдара, но он сдержался и вслух сказал:

– Привыкнешь. Я уже привык.

– Хорошо тебе. Ладно, до встречи, – сказала она, выпрыгивая из машины у своего подъезда.

«Странно, – думал Гейдар, глядя ей вслед. – Ну что мне она? Капризная, избалованная полковничья дочка. Девчонка ещё, вон какие ножки тоненькие, но, если бы она сейчас оглянулась и помахала мне рукой, я бы, наверное, сошёл с ума от счастья». Как будто подслушав его мысли, Маринка, буквально на мгновение, повернулась и махнула ему рукой. Нажав на кнопку клаксона, Гейдар рванул с места, переполненный каким-то совершенно необыкновенным чувством.

– Ты чего сияешь, как начищенный пятак? – спросил его Генка, стоило ему только переступить порог комнаты. – Отпуск дали или в генералы представили?

– Зачем ему орден? Маленькая командирша, наверное, поцеловала, – зло заметил Игорь. – Он её из города привёз, я видел.

– Всё-то ты видишь, ефрейтор. Как целовала – тоже видел?

– Нет, этого не видел, но долго ли умеючи?

– Так вот, раз не видел, то и нечего болтать. Ты же мужчина, а не женщина, – жёстко заметил Гейдар и всем своим видом дал понять, что разговоров о себе и Маринке не потерпит. Эта неприятность не смогла потушить радости в душе от общения с Маринкой, от её прощального взмаха руки.

Умывшись перед сном, он лёг и практически мгновенно погрузился в сладкий сон, где была Марина в своей белой кофточке и с пучком высоко завязанных волос. Она наклонилась над ним, потянулась к нему губами, кончик свесившегося белого хвостика коснулся его губ. Он тоже потянулся к ней, прошептав: «Марина», и заулыбался. В тот же миг головка Марины превратилась в лошадиную морду, которая противно заржала и разбудила его. Первое, что он увидел, открыв глаза, была рыжая конопатая морда Генки, зашедшаяся в хохоте:

– Ой, не могу! Я ему кисточкой для бритья по губам вожу, а он шепчет «Марина» и улыбается! Точно вторился!

– Шакал ты, Генка, такой сон испортил, – проворчал беззлобно Гейдар и, перевернувшись на другой бок, уснул уже без сновидений.

Полетели дни, наполненные службой и ожиданием встречи с Маринкой. Виделись они довольно часто, но всё время в компании. То Маринина мама, то жёны других офицеров находили какие-то дела в городе, но чаще всего они ездили в шумной компании других школьников, учившихся в Горьком: тринадцатилетнего мальчишки по имени Мишка, и двух девочек-близняшек двенадцати лет. Маринка садилась впереди, за нею усаживался Мишка и всю дорогу задирал её. Он был весёлый парень и большой выдумщик. Его живая симпатичная мордашка всегда была готова на какую-нибудь проказу: то банты в Маринкиных косах расплетёт, то тихонько привяжет её за косы к железным поручням сиденья, то начнёт щекотать её, водя соломинкой по щекам. Маринка, не оборачиваясь, колотила Мишку захваченной из дома свёрнутой газетой, грозилась пожаловаться на него своему отцу, чтобы он посадил его папашу – капитана Филиппова – на губу, но чаще всего просила защиты у Гейдара.

– Гейдар, ну скажи ему, пусть отстанет, – жеманно говорила она.

– Он не пристаёт, а заигрывает с тобой, – улыбался Гейдар.

– Что за дурацкие заигрывания? – злилась Мариша.

– Он по-другому не умеет, маленький ещё, – снисходительно говорил Гейдар.

– Сам ты маленький, а мне скоро четырнадцать, как раз возраст, когда Гейдар полком командовал, – отвечал юный эрудит.

– Вот и командуй, чего ко мне пристаёшь? – сердилась Маринка.

– Пристаёт, потому что в тебя влюбился, – пицала одна из близняшек.

– Сама ты влюбилась, – злился Мишка, и сзади начинались возня и сопение, сквозь которые раздавались придушенные возгласы:

– Ой, дурак, больно!

Или наоборот:

– Ну а мне не больно, курица довольна!

После этой возни ребята выходили в школу взъерошенные, с расстёгнутыми полами пальто, из-под которых торчали сбившиеся на сторону пионерские галстуки.

– Эй, петухи, приведите себя в порядок, – кричала им вслед Маринка, – не позорьте нашу часть!

Её школа была чуть дальше, и пять минут они ехали одни.

– Зачем он меня мучает? – удивлялась она.

– Девчонки же тебе сказали, влюбился, – улыбаясь, отвечал Гейдар.

– Он же маленький! Я же его на три года старше, – возмущалась Марина.

– Пушкин говорил, что любви все возрасты покорны.

– Ну вот ещё, – надувала Маринка свои и без того пухлые губы, хотя было видно, что эта возня с Мишкой её забавляет.

Ещё была у Мишки любимая дразнилка. Показав на какую-нибудь избушку, которые во множестве встречались по дороге, он спрашивал:

– Мариша, а вот согласилась бы ты жить всю жизнь в такой избушке, если бы рядом с тобой жил, например, Иван-царевич?

– Какой ещё Иван-царевич?

– Ну, богатый такой, в камзоле с шитьём и красивый, как Гейдар, только русский, – отвечал он, невинно глядя на Маришу.

– А что, Гейдар красивый? – спрашивала Маринка, краем глаза уловив запыхавшие щёки Гейдара.

– Близняшки говорят, что да. Они в него втюрились!

– А вот и нет, а вот и нет, дурак! – кричали девчонки.

И опять за спиной у Гейдара с Маринкой начиналась возня. Когда сопения и писк стихали, Мишка опять спрашивал:

– Ну, согласилась бы или нет?

– Нет, я в Москве жить хочу, – твёрдо отвечала Маринка, глядя прямо перед собой на дорогу.

– Ну а как же Иван-царевич? – не унимался Мишка.

– Я его себе там найду, – отвечала Мариша.

– А если там одни лешие да домовые живут? Так тебя в болото или в щель какую-нибудь утащат, – не унимался Мишка.

– Не утащат, я сильная, даже тебе, болтун, сейчас шею намылю, дай только из машины выйти.

– Не намылишь, не намылишь, я убегу, не догонишь!

Вот в таких милых глупостях и пролетала за окнами дорога. Однажды, уже в октябре, Мариша села в машину и очень по-деловому спросила у Гейдара:

– Это правда, что ты на фестивале в Москве был?

– Правда.

– И что ты народные танцы умеешь танцевать?

– Могу.

– Почему же ты молчал и ничего не говорил об этом?

– Зачем болтать. Отец сказал?

– Да. Он мне предложил принять участие в концерте, который будет в клубе в честь сороковой годовщины Октября. Сегодня он завклубом команду отдаст. Всех артистов из солдат соберут. Вот и тебя назвал. Я даже удивилась. Ездили, ездили в школу, а я ничего и не знала.

– А зачем тебе это?

– Понимаешь, я просто заболела фестивалем. Мы с мамой специально в Москву раньше поехали, чтобы перед Сочи на фестивале побывать. Мои бабушка с дедушкой на проспекте Мира живут, рядом с нами сцена была, а я ещё на ВДНХ ездила, там было здорово!

– Я там выступал, – не без гордости вставил Гейдар.

– Правда? Слушай, может быть, это я тебя там и видела? Красиво один кавказец лезгинку танцевал.

– Может, и меня, но там многие танцевали. Группы всё время меняли место для выступления.

– Нет, наверное, всё же тебя. Мне сразу показалось, что я тебя где-то видела. Здорово! А тебе понравилось?

– Ещё бы!

– А что больше всего запомнилось?

– Газировка, – улыбнулся Гейдар.

– Какая газировка? – опешила Марина.

– Обыкновенная, с сиропом, которую на ВДНХ продавали. Я всё своё жалование на неё пропил.

– Ты шутишь, что хорошего в этой газировке?

– Мне многое понравилось, но газировка больше всего, – настаивал Гейдар, – у нас её даже в Грозном нет.

– Земной ты человек. Ведь фестиваль был. Мне, например, была ужасно интересна молодёжь со всего мира. Негры, китайцы, индейцы и другие.

– Ой, вы что, и негров видели? – удивился сидевший сзади Мишка.

– Конечно, видели, их полно было.

– А правда, говорят, у них ладошки и ступни ног белые?

– Не знаю, как ступни, а ладошки точно белые. Я с одним негром даже за руку познакомилась. Жалко только, что меня мама быстро от него оттащила.

– И ступни, и ладошки белые, – заверил Гейдар. – Однажды вместе с нами ансамбль из Нигерии рядом выступал. Парни били в барабаны и пританцовывали, а девчонки танцевали, сверкая зубами, белыми ладошками и пятками.

С того дня воспоминания о фестивале на несколько последующих дней вытеснили все другие дорожные разговоры. Даже Мишка переставал задирать Маринку, когда речь заходила о фестивале.

За две недели до праздников начались репетиции концертов. Гейдару на баяне аккомпанировали Игорь и солдат-грузин, умевший выбивать ритм на бубне. Игорь решил показать зрителям сцену из спектакля Островского «Без вины виноватые», где он играл Незнамова, а Мила, жена капитана, – его мать, артистку Кручинину. Этот фильм не раз демонстрировался в солдатском клубе и был не совсем по теме для революционного праздника, но Игорь ничего другого играть не хотел.

– Понимаете, это был мой выпускной спектакль за третий курс училища. Я за него пятёрку получил. Я и слов-то из других пьес не помню. Так что или этот отрывок, или никакой другой.

Когда в хозроте узнали, какой отрывок решил показать худрук, рыжий Генка за всех объяснил такое пристрастие Игоря к Островскому:

– В революционных пьесах не пообнимаешься, а тут он долго будет в обнимку с мамашей сидеть. Это любому дураку понятно, кроме лейтенанта Сомова.

Мариша решила читать отрывок из поэмы Блока «12». На репетициях она выходила на сцену строгая, в чёрном длинном бархатном платье, которое нашла в мамином сундуке. Этот вышедший из моды наряд, во-первых, очень соответствовал Блоку, а во-вторых, велико-

лепно подчёркивал фигуру артистки, из-за чего не только Гейдару, но и остальным сидящим в зале было не до революционной поэмы, а тоже хотелось узнать, можно ли обнять Маринину талию двумя ладонями? Гейдар, получивший законное право любоваться стоящей на сцене Мариной, не пропускал ни одной репетиции, как бы занят ни был. Он не разбирал произносимых ею слов, он видел только это милое лицо с пухлыми губами, которые так хотелось поцеловать, хрупкие плечи, которые хотелось обнять. За тонкую талию так хотелось притянуть к себе девушку и положить на грудь её гордую головку. Когда она после первой репетиции спросила его по дороге в город, кто в поэме Блока идёт «в белом венчике из роз» – матрос или Христос, – он даже не понял, о чём идёт речь. Произносимые ею со сцены слова до него не долетали, он весь всецело был поглощён созерцанием любимого существа. Получив возможность рассматривать её, он совершенно ясно понял, что любовь – это когда только от одного вида любимой ты наполняешься счастьем.

– Так кто – матрос или Христос? – пробился к нему вопрос Марины.

– Матрос, – не думая ответил Гейдар.

– Почему?

– Потому что Христос шёл бы в терновом венце, а матрос, видимо, жениться собрался, вот и надел белый венчик.

– Ты что, надо мной издеваешься? – рассердилась Марина. – Я же тебя серьёзно спрашиваю, а ты шутишь.

– Почему шутишь? Нас наша учительница по русскому сколько раз об этом спрашивала. Никто отгадать не смог. Мой сосед по парте сказал: «Может, Аллах?», так его чуть из школы не выгнали. Я предложил матроса, и все согласились, а ты нет.

– Сознайся, что ты это всё только что выдумал? – нахмурилась Мариша.

– Если и выдумал, то только чуть-чуть.

– Ладно, ладно, издевайся, я тебе прощаю за то, что ты божественно танцуешь лезгинку. Похоже, это всё же я тебя видела тогда на фестивале, на бубне ещё тогда мальчишка с таким белым чубом стучал. Я ещё подумала, почему он русский, а не грузин.

– Точно, Сашка, мой друг, он, как и я, не грузин.

– Прости, я всё забываю, что кавказцы не любят, когда их грузинами называют.

– Точно не любят, все, кроме грузин.

– Кто тебя так танцевать научил?

– Солдаты, которые в госпитале лежали.

После этих слов Мариша потребовала подробного рассказа о госпитале и всём остальном. Причём слушала она так, что Гейдар сам не заметил, как всё ей рассказал. Разговоров хватило на несколько поездок в школу. Садясь в машину, Маринка говорила:

– Так и что дальше?

– Разговор с водителем запрещён, – отвечал ей Гейдар, но после небольшой паузы продолжал свой неторопливый рассказ дальше, замолкая на перекрёстках и поворотах.

К тому времени, когда он дошёл до истории о гибели отца, подошёл праздник. Праздничный вечер открыл Воронов, рассказал об успехах части, поздравил с сороковой годовщиной Октября, предложил помянуть минутой молчания всех погибших в боях с империалистами и фашистами. Потом начался концерт. Всех выступавших принимали хорошо. Едва удалось успокоить зал, когда офицерская жена Мила выпустила из своих объятий своего сценического сына Игоря.

– А поцеловать сыночка? – ревели солдаты, не обращая внимания на то, что старший лейтенант Сомов сидит в зале.

– Давай ещё про матроса! – неистовствовали они, не желая отпускать со сцены серьёзную Марину в её бархатном платье.

Когда же на сцену вышел Гейдар, которого Игорь, выполнявший роль конферансье, представил, как лауреата Международного фестиваля молодёжи и студентов в Москве, и полетел по ней в лезгинке, зал вначале замер, а потом стал хлопать, помогая такту. Его вызывали несколько раз на бис, и он выходил и плясал так же неистово. На нём был настоящий кавказский наряд: черкеска, чуйяки и коричневая папаха из овечьей шерсти, добытые завклубом в соседнем поселке. Из-под этой папахи по его щекам тек рекой пот, но Гейдар не только не сбавлял темпа, а ещё и усиливал его, танцуя лезгинку со всеми оттенками многонационального Кавказа. Наконец в зале поднялся полковник и успокоил публику:

– Совсем парня замучили, он завтра баранку крутить не сможет. Давайте похлопаем ему на прощание и отпустим.

После бурных аплодисментов Гейдар ушёл за кулисы хоть и маленькой, но знаменитостью.

– Танцуешь ты гениально! Поверь мне, – сказал ему за кулисами Игорь. – Почему тебя в музроту не взяли после фестиваля?

– Я сам не пошёл.

– Почему? Там бы в ансамбль Красной армии перебрался, а там Москва, гастроли, деньги.

– Нет, я хочу поступить в институт.

– Во чудило! Чтобы потом всю жизнь шиш с маком получать? – удивился завклубом.

– Я так решил, – отрезал Гейдар.

Когда он переоделся и вернулся в зал, там уже растаскивали сиденья, для того чтобы освободить место для танцев. Марина, переодетая в красивое голубое платье с неизменной широкой юбкой, стояла в кругу молодых офицеров и звонко смеялась. Было видно, что она в восторге от себя, от молодых и весёлых ухажёров, от всего этого праздника, где никого лучше её нет. Увидев её, такую красивую, но чужую, Гейдар почувствовал, что сердце, которое до этого гулко стучало в груди после удачного выступления, вдруг как будто остановилось, а потом снова пошло, сбиваясь с ритма. «Чего ты хотел, чтобы полковничья дочка стояла рядом с солдатами?» – рассердился он на себя и повернул к своим ребятам из хозроты. Они набросились поздравлять его и нахваливать за лезгинку.

– Ну, братка, не ожидал! В Ростове все лезгинку пляшут, но такой я не видал, – изумлялся рыжий земляк.

Кроме ребят, его обступили и женщины – служащие столовой. Их улыбающиеся лица светились восхищением и добротой.

– Вот уж не знала, что ты такой лихой парень, а то бы я тебе больше щец наливала, – приговаривала тётя Настя, раздатчица в столовой.

– Гейдар, ты сплошной восторг! – протиснулась к нему пышногрудая девица с какой-то невообразимой башней из крашенных волос на голове.

– Вот, разреши тебе представить: Екатерина, – церемонно сказал ему Генка, соединяя Катеринину и Гейдарову руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.